КУРС НА ЗАКРЫТИЕ

СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Курс на закрытие

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Курс на закрытие / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Четвёртого декабря из валютного счёта филиала банка в Цюрихе уходит миллион двести сорок тысяч евро — по контракту, паспорт которого закрыт неделю назад. Аудитор, заметивший это первым, исчезает. Экономист валютного отдела Ася Погодина начинает сверять бумаги и попадает в кольцо, где всё настоящее: подписи, печати, кредиты, залоги, легализация. Кроме денег.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Лоро и ностро 11
Глава 3. Назначение платежа 16
Глава 4. Инкассо 21
Глава 5. Остаток на начало дня 26
Глава 6. Лимит на контрагента 31
Глава 7. Вексельный журнал 36
Глава 8. Картотека 41
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Маргарита Солнцева
Курс на закрытие

Экономический детектив

Курс на закрытие

Солнцева М.В.

Четвёртого декабря из валютного счёта филиала банка в Цюрихе уходит миллион двести сорок тысяч евро — по контракту, паспорт которого закрыт неделю назад. Аудитор, заметивший это первым, исчезает. Экономист валютного отдела Ася Погодина начинает сверять бумаги и попадает в кольцо, где всё настоящее: подписи, печати, кредиты, залоги, легализация. Кроме денег.

Главные герои: Анастасия Сергеевна (Ася) Погодина, двадцать девять лет, экономист валютного отдела филиала: ведёт девяносто два паспорта сделки и жёлтую тетрадку с восемью колонками. Станислав Эдуардович Крамской, начальник валютного отдела, двадцать второй год в банке, правило «документ — это не бумага, документ — это дата». Людмила Сергеевна Пахарева, операционный отдел, ведёт книгу картотеки, умеет объяснять счета так, что становится страшно. Ольга Гунько, операционист за третьим окном: знает всё, что в филиале говорят вслух. Клавдия Егоровна Ситникова, кассир-валютчик, тридцать один год за кассой. Валерий Тимофеевич Круглов, внутренний аудитор, который просил журнал учёта векселей и исчез. Пётр Аркадьевич Сажин, служба безопасности филиала, двадцать лет в полиции до этого. Сергей Дмитриевич Оборин, заместитель управляющего, «наш человек в самолёте». Артур Янович Бекман, советник торгового представительства. Марьяна Олеговна Кром, атташе консульского отдела, которая ведёт журнал рукой. Григорий Львович Бурмистров по кличке Гриша Бурый и Саша Михельсон — охранное предприятие «Ратник-С». Дмитрий Аркадьевич Мосин, юрист филиала. Виктор Кузьмич Ремез, клиент, который платит за охрану двух киосков три с половиной миллиона в год. Андрей Петрович Верещагин, управляющий филиалом, пятьдесят один год, правило: «в банке не бывает ошибок, бывают неточности в оформлении». Нелли Робертовна Гайдук, главный бухгалтер, девятнадцать лет ведёт вексельный журнал серии КИ. Ирина Анатольевна Сомова, начальник кредитного отдела. Кристина, секретарь заместителя управляющего, ведёт протоколы кредитного комитета. Лида, канцелярия, номенклатура дел. Бабенко, СВИФТ-оператор.

Глава 1. Закрытие операционного дня

В филиале на Первомайской операционный день начинается не тогда, когда открываются двери, а тогда, когда уходит первый рейс.

Рейс — это не поездка и не машина. Рейс — это время, до которого платёж должен уйти в расчётную сеть: в одиннадцать, в пятнадцать и в семнадцать. Платёж, ушедший после рейса, уходит в завтра, а в завтра у филиала другой остаток на корреспондентском счёте и другой человек, который за этот остаток отвечает.

Анастасия Сергеевна Погодина приходит в банк в двадцать минут девятого, за сорок минут до рейса. За сорок минут можно выпить чай, посмотреть почту и понять, что день будет плохой.

— Погодина, — говорит Крамской из своего кабинета, не поднимая головы от бумаг. — Ты почему в шарфе?

— На улице минус восемнадцать.

— В филиале плюс двадцать два. У нас клиенты, а ты в шарфе, как будто пришла не работать, а провожать.

Ей двадцать девять лет. Она экономист валютного отдела, в банке с двухтысячного года, то есть седьмой год, и все эти семь лет её спрашивают одно и то же: почему она не уехала в головной офис и почему валютный контроль в филиале держит не отдел, а один человек с тетрадкой.

Ответ простой. Валютный контроль — это не должность, это привычка сверять.

Валютный отдел филиала — это три комнаты на третьем этаже: комната Крамского, операционный зал, где за стеклом сидят девчонки, и её кабинет — семь метров, стол, сейф, счётное устройство с отломанной ручкой и девяносто два паспорта сделки в двух папках.

Паспорт сделки — это не разрешение и не пропуск. Это карточка, которую банк заводит на каждого клиента, который что-то покупает или продаёт за границу. В паспорте сделки написано всё, что нужно знать банку: кто, с кем, на сколько, чем платит и к какому сроку обязан привезти выручку. Пока паспорт сделки открыт, банк следит за клиентом. Пока он открыт, у банка есть рычаг.

У Аси их девяносто два. Она помнит из них, наверное, тридцать: кто ввозит оборудование, кто продаёт лес, кто гонит металлолом в Турцию и уже второй год не может привезти деньги.

Она вешает шарф на спинку стула — назло Крамскому, потому что шарф на спинке стула не на ней, — включает лампу, открывает сейф, вынимает жёлтую тетрадку на пружине и кладёт её слева, под правую руку.

Тетрадка стоит тридцать восемь рублей и куплена в «Канцлере» на углу три года назад, вместе с ручкой и коробкой скрепок. На первой странице её рукой выведено: «Сверка сомнительных. С 12.05.04».

Внутри — колонки: дата, контрагент, сумма, основание, чем подтверждено, что сделано.

Двенадцать строк с две тысячи четвёртого года. Немного, если считать, что через филиал за месяц проходит триста платежей. Много, если понимать, что каждая строка — это платёж, за который никто, кроме неё, не расписался.

Тетрадка появилась не от хорошей жизни.

В две тысячи третьем она была девочкой после финансового факультета, второй месяц на работе, и ей отдали вести паспорта сделок — потому что вести паспорта сделок никому не хотелось. И в конце августа пришёл платёж: восемьдесят тысяч долларов от фирмы с названием из двух слов, оба слова были «торг». Платёж надо было провести до пятнадцати, Крамской уехал в головной офис, а паспорт сделки по этому контракту ей пообещали «поднести после обеда».

Она провела. Паспорт не поднесли ни после обеда, ни через неделю, ни через месяц.

Через месяц пришла проверка, и выяснилось, что паспорта сделки не существует, а платёж — существует, и он уже прошёл в сеть. И на разборе ей объяснили, что молодая сотрудница нарушила порядок, а банк, конечно, виноват, но кто именно в банке — непонятно.

Она сидела и слушала, как взрослые люди по очереди говорили одно и то же слово: «досадно».

Спасло её то, что на платёжке была подпись получателя и дата, а в её рабочей тетради — запись, когда она эту платёжку видела первой. Её тогда не уволили. Её просто полгода не отправляли в отпуск и три года не давали премию.

С тех пор она не провожает ничего, чего нельзя сверить. И с тех пор у неё тетрадка.

Крамской говорит про это иначе:

— Ты не контролёр, ты Плюшкин. Ты собираешь сомнительное в тетрадку, а половина сомнительного — это нормальная работа, в которой просто нет второй подписи.

— Нормальная работа с двумя подписями меня не беспокоит, — отвечает она.

— Нормальная работа с двумя подписями тебя как раз должна беспокоить, — говорит Крамской и уходит курить в форточку.

Он начальник валютного отдела, ему сорок восемь, в банке он двадцать второй год, начинал ещё в Промстройбанке, когда слово «корсчёт» произносили по слогам. У него правило: «Документ — это не бумага. Документ — это дата». Он может сорок минут объяснять клиенту, почему платёж от четвёртого числа нельзя оформить третьим, и ни разу не повысить голос.

Он же научил её главной формуле, которая потом пригодилась в жизни больше, чем университет:

— Погодина, у нас тут не продают и не покупают, у нас подтверждают. Клиент приносит бумагу, мы подтверждаем, что она есть, и на этом наша совесть кончается. Ты отвечаешь не за то, что написано. Ты отвечаешь за то, что это написано у нас — в нужном месте, в нужную дату.

— А если написана неправда?

— Тогда за неправду отвечает тот, кто подписал. Мы отвечаем за то, что подпись на месте. — Он затянулся в форточку и добавил: — Только ты не радуйся. На месте подписи у нас чаще всего стоит фамилия того, кто её проверял.

Во вторник, четвёртого декабря, в филиале было как обычно: тридцать девять клиентов, из них одиннадцать — валютные, из одиннадцати — восемь нормальных, один ленивый, один богатый и один Виктор Кузьмич Ремез.

Ремез пришёл в четверть двенадцатого, через пятнадцать минут после того, как ушёл первый рейс, и принёс платёж на двести девяносто тысяч рублей. Платёж был нормальный: за аренду, по договору, с актом, всё как надо. Ненормальным было его поведение.

— До обеда нужно, — сказал он Асе, положив локоть на стойку так, чтобы загородить ей половину коридора. — Вот тут подпись, тут печать, тут всё. До обеда, Анастасия Сергеевна. Мне в два надо быть у зятя.

— Второй рейс в три.

— В три у меня будет поздно.

— Значит, в три, — сказала Ася. — Виктор Кузьмич, вы двадцать лет платите через нас, вы же знаете, что до рейса нельзя ускорить, а после рейса нельзя вернуть.

Ремез постоял, посмотрел на неё и сказал уже другим голосом, тише и почти жалобно:

— Погодите вы с рейсами. Мне бы это до обеда, потому что, если оно уйдёт после обеда, оно уйдёт как третье, а как третье — оно уйдёт как последнее.

У Аси что-то дрогнуло под ложечкой. Она видела раньше, как взрослые мужчины ругаются, торгуются и названивают, но, чтобы клиент с идеальным платежом просил поставить его в очередь раньше — такого не было.

Она взяла его платёжку и всмотрелась в реквизиты получателя.

Получатель — ЗАО «Ратник-С», услуги охраны. Двести девяносто тысяч. Итого за год Ремез заплатит этому «Ратнику» примерно три с половиной миллиона, а по объектам у Ремеза два киоска и один склад.

Охранять два киоска за три с половиной миллиона в год нельзя. Это не охрана. Это членский взнос.

Она вернула платёжку, не изменившись в лице.

— Второй рейс в три, — повторила она. — Платёж ваш, я его приму к трём, если вы дождётесь и подпишете ещё раз. И если к трём я увижу договор до четвёртого числа включительно, а не до тридцать первого.

— Какой договор?

— Тот, который действует до тридцать первого декабря, — сказала она. — По нему платёж платят месяцем позже, авансом, до того, как услуга оказана. Это неважно. Мне неважно, — уточнила она, потому что это было важно, но не ей. — Мне важно, чтобы дата договора была настоящей.

Ремез забрал платёжку, повертел её и сунул во внутренний карман, а потом посмотрел на Асю с той секундной ненавистью, которую дают человеку, который сказал вслух то, что человек тщательно прятал.

— Умная, — сказал он. — В очереди у меня стоял такой же умный.

И пошёл к выходу.

Ближе к шести Ася закрывала день.

Операционный день — это не отрезок времени. Это коробка. Пока коробка открыта, в ней лежат чужие деньги, и всё, что с ними случилось, можно ещё объяснить. Закрытая коробка — это деньги, за которые отвечает один человек, и человек этот сидит за столом у окна, пьёт остывший чай и подписывает распечатку.

Закрытие устроено просто: сначала сверка, потом подтверждение остатков, потом распечатка и подпись. Сверка — это когда две бумаги говорят одно и то же. Если две бумаги говорят разное, значит одна из них врёт, и правда обычно не в той, которая красивее.

Дешёвые бумаги — это те, которые печатает её собственный принтер. Дорогие — те, что приходят извне: выписка по корреспондентскому счёту из расчётно-кассового центра, выписка по счёту в Цюрихе, реестр авизо.

Авизо не платит. Авизо сообщает, что заплатил кто-то другой и что теперь это стоит у нас в учёте. Настоящий банк отличается от бухгалтерии тем, что у него на каждое «заплатил» есть письмо из чужого дома.

В восемнадцать пятьдесят два в реестре авизо появилась новая строка. Ася увидела её не сразу — сначала она увидела, что реестр стал длиннее на одну, и это было странно, потому что рейс ушёл в семнадцать, и все сегодняшние платежи она видела своими глазами.

Она открыла строку.

Банк: Bank Nordkreis AG, Цюрих. Счёт: наш ностро. Операция: списание. Сумма: один миллион двести сорок тысяч евро. Дата валютирования: пятое декабря. Назначение платежа — короткое, в четыре обрубленных слова, как их всегда пишут из Европы:

«PAYMENT UNDER CONTRACT 44-M METAL SCRAP».

Оплата по контракту 44-М. Металлолом.

Ася откинулась на спинку и посидела так минуту. Потом достала из папки ведомость валютного контроля за декабрь и нашла в ней сорок четвёртый.

Паспорта сделки 44-М в ведомости не было.

Ведомость валютного контроля — это не список контрактов. Это список того, за чем банк обязан следить. Филиал ведёт её с первого января и до последнего дня года, и в ней стоят все паспорта сделки, все сроки и все суммы, по которым клиент должен что-то ввезти или что-то привезти. Через неё видно всё, что банк упустил, потому что ведомость — это документ не для проверки, а для памяти.

В декабрьской ведомости было одиннадцать контрактов. Номера шли так: 41-М, 42-М, 43-М, 45-М, 46-М.

Сорок четвёртого не было.

Через двадцать минут она нашла его в другом месте: в журнале регистрации паспортов сделок за март. Строка чёрным по белому: «44-М от 12.03.2007, ООО „Стройтранзит-Инвест“, контракт с Riverton Investments Limited, импорт лома чёрных металлов».

И напротив, в графе «закрыт», аккуратным почерком — почерк был не её, она узнала бы свой, — «30.11.2007».

Паспорт сделки закрыли тридцатого ноября. Через четыре дня по нему прошёл платёж на миллион двести сорок тысяч евро.

Правило тут такое: если по закрытому паспорту приходит или уходит деньги, паспорт надо открыть заново, а платёж — не проводить, пока не открыт. Правило нарушено в тот вечер, когда Ася сидела на третьем этаже и подписывала распечатку.

За стеной зашумели: кончился рабочий день, из кассы понесли мешки, кто-то волоком тащил стопку чего-то тяжёлого, и в коридоре пахло снегом и мандаринами, потому что почти у всех сотрудников декабрь — это месяцы, в которые у людей каждый день мандарины.

Ася набрала внутренний операционного отдела. Людмила Сергеевна Пахарева ответила ровно, как отвечает человек, который уже надевает пальто:

— Пахарева.

— Людмила Сергеевна, добрый вечер. По сорок четвёртому-эм в Цюрихе ушло списание, миллион двести сорок тысяч. Паспорт закрыт тридцатого ноября. Это к вам или к нам?

В трубке стало тихо. Потом Пахарева сказала:

— Насть, я уже в пальто.

— Я подожду в понедельник.

— Ага. В понедельник. — Пауза. — Только ты вот что: в понедельник ты не в понедельник пиши, а с датой фактическую дату платежа ставь. Платежи не ходят в понедельник. Платежи ходят в тот день, в который их отправили, — и она положила трубку.

Ася ещё немного посидела. Потом раскрыла жёлтую тетрадку и на следующей чистой строке написала в шесть колонок:

«04.12.07. Стройтранзит-Инвест. 1 240 000 EUR. ПС 44-М. Основание: не найдено. Авизо NOK-7741. Что сделано: спросила операционный отдел, ответа нет».

Тринадцатая строка за три с половиной года.

Она подписала распечатку, поставила в сейф папки и выключила лампу. А потом села обратно и включила компьютер ещё раз.

Внутренняя почта. Январь. Круглов Валерий Тимофеевич, служба внутреннего контроля:

«Анастасия Сергеевна, добрый день. Прошу выбрать для проверки операции по нерезидентам за ноябрь: контрагенты из первой части списка, сумму любую. Плюс, если не трудно, журнал учёта векселей за первое полугодие в части касающейся. Спасибо. К.»

Двадцать восьмое ноября, одиннадцать сорок. Она хорошо помнила это письмо, потому что оно ей понравилось: в нём просили два разных документа, и оба она выдала за пятнадцать минут.

Она тогда ещё подумала, что внутренний контроль в этом банке работает как старая машина: медленно, но по правилам.

Третьего декабря Круглов не вышел на работу. Четвёртого — тоже. Пятый день в банке шли разговоры о том, что Валерий Тимофеевич «взял три дня за свой счёт», и это была удобная фраза, потому что за свой счёт в декабре берут только те, кому очень надо.

Ася выключила компьютер по-настоящему. Натянула шарф, вышла на лестницу и почти сразу услышала за спиной:

— Погодина.

Внизу, на площадке между вторым и первым, стоял Сажин. Служба безопасности филиала, двадцать лет до этого в полиции, плечи в пиджаке, глаза, которые привыкли, что собеседник врет, и очень ровный голос.

— Добрый вечер, Пётр Аркадьевич.

— Уходишь последняя третий день подряд.

— У меня сверка.

— Знаю, что сверка, — сказал Сажин. — Ты в среду, двадцать восьмого, Валерию Тимофеевичу бумаги давала?

Ася сняла шарф с половины лица.

— Давала.

— Что?

— Выборку по нерезидентам и журнал учёта векселей.

— Он тебе потом что-нибудь говорил? — Сажин смотрел на неё внимательно и без нажима, как смотрят на человека, которого ещё не решили, кем считать.

— Он сказал «спасибо».

— Всё?

— Он сказал: «Спасибо, Анастасия Сергеевна. Я вам верну после того, как разберусь».

— Уже лучше. — Сажин чуть шевельнул подбородком. — Когда?

— В среду. Он уходил в девятнадцать двадцать.

— Откуда знаешь время?

— Потому что я тогда же закрывала день и видела его в окно: он шёл через парковку с пакетом. — Ася помолчала. — Пётр Аркадьевич, а заявление он на самом деле писал?

Сажин не ответил. Он смотрел на неё секунды три, потом сказал:

— Погодина, ты не спрашивай. Ты лучше сделай так, чтобы твои бумаги были у тебя, — и пошёл вниз, не попрощавшись.

Глава 2. Лоро и ностро

На следующее утро она первым делом не пошла в свой кабинет, а спустилась на второй этаж искать Пахареву.

Операционный отдел — это сердце филиала, только сердце это бьётся в трёх комнатах и разговаривает по девяти телефонам одновременно. Здесь считают наличные, здесь принимают переводы, здесь сидит Людмила Сергеевна Пахарева, которая работает в банке двадцать второй год и умеет разговаривать с людьми так, что ни один человек ещё не понял, отказали ему или нет.

— Доброе утро.

— Доброе, — сказала Пахарева, не поднимая головы. — Насть, я тебе вчера не соврала и не отмахнулась. Я тебе сказала: в понедельник. Сегодня у нас нет понедельника, у нас среда.

— У нас середина недели, а платёж вечер вторника.

— У нас в филиале одна платёжная единица учёта — день, — сказала Пахарева. — День, в который ты его нашла.

Она всё-таки подняла голову, посмотрела на Асю и поставила ручку в стакан — жест, которым хорошие операционисты показывают, что сделали паузу по своей воле, а не потому, что их застали.

— Давай слушай. Ты пришла ко мне с нострого счёта. Знаешь, чем ты пришла?

— Списанием.

— Ты пришла нашей репутацией. — Пахарева откинулась на стуле. — Смотри, девочка, я тебе объясню то, что тебе в институте не объяснили, потому что в институте учат счета, а не людей.

У банка есть два способа держать чужую валюту.

Первый: чужой банк открывает счёт у нас. Тогда это его деньги, лежащие на нашей территории, и такой счёт называется лоро. Лоро — это «их у нас».

Второй: мы открываем счёт у чужого банка. Тогда это наши деньги, лежащие на его территории, и такой счёт называется ностро. Ностро — это «наши у них».

— И знаешь, что в этом самое обидное? — продолжала она. — Все считают, что наши деньги лежат у них, а их лежат у нас, и от этого ничего не меняется. А меняется всё. Наши деньги у них — это наши деньги, за которые мы отвечаем и которых мы не видим. Их деньги у нас — это их деньги, за которые мы не отвечаем и которые мы видим каждый день.

— Людмила Сергеевна...

— Не перебивай, я разогрелась. — Пахарева подняла палец. — Ты нашла списание по ностро. Это значит одно из трёх. Первое: распоряжение ушло от нас, и кто-то в филиале это распоряжение подписал. Второе: распоряжение ушло из головного офиса, и тогда наши не при чём. Третье: банк-корреспондент списал деньги сам, и тогда у нас в Цюрихе в течение недели будет скандал, потому что банки так делают только за комиссию.

— Как узнать, что из трёх?

— По референсу. — Пахарева придвинула к себе ежедневник и что-то на нём написала, потом повернула к Асе. — У каждого сообщения есть номер. Наш референс, их референс, дата, время, ключ. Всё, привет. Иди к Бабенко, пусть поднимет отправку.

Ася не торопилась уходить.

— Людмила Сергеевна, а сколько наш ностро в Цюрихе?

Пахарева посмотрела на неё внимательно и вдруг улыбнулась — нехорошо, коротко.

— Вот это правильный вопрос. Ты спросила не «кто украл», ты спросила «сколько у нас там». — Она наклонилась. — Восемьсот двадцать тысяч. Вчера было два миллиона. Значит, миллион двести сорок взяли не из пустого места, а из нашего же остатка, и банк-корреспондент

теперь каждый день будет спрашивать у нас, чем мы собираемся этот остаток наращивать, чтобы не встать в очередь на платёж.

— То есть мы не в убытке?

— Мы в упущении. — Пахарева взяла ручку обратно. — Погодина, у тебя паспорт сделки на этот платёж есть?

— Нет.

— Тогда у нас не упущение, — сказала она и опять начала писать. — Тогда у нас дырка.

СВИФТ в филиале стоит в отдельной комнате, потому что СВИФТ — это не компьютер, а допуск. Внутрь входят три человека: начальник отдела, его заместитель и оператор, который сидит там по шесть часов в день и отправляет то, что ему дают.

Оператора зовут Артём Бабенко, ему двадцать семь, он пришёл в банк после армии и техникума, и с ним Ася всегда разговаривала быстро, потому что он не любил, когда в его комнате разговаривают медленно.

— Артём.

— Доброе, — сказал он и, не спрашивая, начал закрывать на экране одно окно за другим.

— Мне нужна отправка за вчера, вторая половина дня, все исходящие по ностро.

— Вчера после шести? — Он замер. — Насть, а что там?

— Я не знаю. Я поэтому и пришла.

Бабенко посидел, положил руки на стол и сказал негромко:

— У меня вчера вечером была одна отправка по ностро. В шесть тридцать один. Не моя смена, но я остался, потому что велели остаться. Я её не готовил, мне дали заполненное, я подставил ключ и отправил.

— Кто велел?

— Позвонили. По внутреннему.

— Кто звонил?

— Насть, я не знаю. Мне сказали «подготовь отправку, реквизиты ниже». Я подготовил. Потом пришёл человек, посмотрел на экран, сказал «пойдёт», я подставил ключ, отправил и всё. Я, когда отправляю, смотрю не на человека, я смотрю на реквизиты. У меня работа такая — реквизиты.

— Артём, — сказала Ася. — Ты можешь поднять распечатку?

Он замялся:

— Журнал отправки печатать не мой уровень. Я могу сделать выписку по сообщению. Но ты понимаешь, что это будет видно в аудите системы?

— Понимаю.

Бабенко посмотрел на неё, на дверь, потом на свои руки и всё-таки нажал две клавиши.

Принтер завыл, как маленький самолёт, и выплюнул лист.

В выписке было всё, что нужно: номер сообщения, референс наш и референс цюрихский, сумма, назначение, время с точностью до секунды. И ключ.

«КЛЮЧ ПОДПИСИ № 7».

— Артём, что за ключ номер семь?

— Не знаю.

— Ты обязан знать.

— Я обязан знать свой ключ, — сказал Бабенко. — Мой ключ номер три. Номер семь в филиале не мой и не твой, он общий, он из списка ответственных. Хочешь знать — иди в бухгалтерию, там журнал ключей.

— Слушай, — сказала Ася. — А если я попрошу тебя поднять журнал...

— Нет, — быстро сказал Бабенко. — Насть, нет. Я тут сижу потому, что умею отправлять и молчать. Я могу тебе сказать, что было, но я не буду тебе говорить, кто. Пожалуйста, спроси у кого-нибудь, кто к этому отношения не имеет.

Он сказал это и, кажется, сам испугался, что сказал. Опустил глаза в экран и стал искать что-то, чего там не было.

Ася взяла лист и вышла.

Журнал ключей — это толстая книга в бухгалтерии, в ней написано, какой ключ электронной подписи кому выдан, по какому акту и до какого числа. Ключ — это не пароль и не пропуск. Ключ — это право. Пароль можно сказать товарищу, право сказать нельзя; право передают по акту, под подпись, и в акте стоит дата.

Главный бухгалтер филиала, Нелли Робертовна Гайдук, журнал дала, но смотрела при этом на Асю так, как смотрят на человека, который просит книгу не читать, а уносить.

Ключ подписи номер семь был выдан четырнадцатого сентября по акту, и в графе «получатель» стояло: «Операционное управление, для сообщений по ностро, ответственный — Пахарева Л. С.».

Ася прочитала это дважды.

Потом закрыла журнал, поблагодарила Нелли Робертовну и пошла к Пахаревой — уже не спеша, потому что в первый раз, в двадцать пятую, она шла спросить, а во второй раз, в тридцать сорок, шла уже утверждать.

— Сядь, — сказала Пахарева, когда Ася вошла.

Ася села.

— Показывай.

Ася положила на стол выписку по сообщению и раскрытый журнал ключей. Пахарева посмотрела на листы, потом на Асю, потом опять на листы, и лицо у неё стало не злым, а усталым.

— Ну и?

— Ключ номер семь закреплён за вами, Людмила Сергеевна.

— Ключ номер семь закреплён за операционным управлением, — сказала Пахарева ровно. — Дословно: за операционным управлением, для сообщений по ностро, ответственный — я. Всё.

— Значит, он ваш.

— Значит, я за него отвечаю. — Пахарева чуть подалась вперёд. — А ты за свой ключ отвечаешь? У тебя ключ номер двенадцать?

— Тринадцать.

— Тринадцать. И если завтра твоим тринадцатым ключом кто-то отправит платёж, ты мне тоже скажешь, что отправила ты?

Ася молчала.

— Вот и не надо. — Пахарева откинулась. — Слушай сюда, в двадцать пятый раз. Я подписываю ностро двадцать, сорок, иногда шестьдесят раз в день. Все наши платежи по ностро идут с одного ключа, потому что держать на каждый платёж отдельное право — это способ не работать вообще. Ключ — это бумажная вставка в конверте, конверт лежит в моём сейфе.

— У вас серый сейф с кодовым замком.

— Именно. — Пахарева усмехнулась нехорошо. — Только не у меня одной. Он стоит в операционном управлении, а сейф операционного управления — это как холодильник на этаже: считать, что в нём лежит только твоё, может только дурак.

— Вчера после пяти кто-то мог его открыть?

— Вчера после пяти, — сказала Пахарева, — у нас с тобой вышла такая история: сообщение ушло в шесть тридцать одна, а я вчера уехала в шестнадцать двадцать, у меня была поликлиника, и в журнале ухода у меня стоит время, за которое я, если хочешь, могу расписаться ещё раз, но это будет уже моя третья подпись под одним и тем же фактом.

Ася вспомнила: в пятницу Пахарева весь день держалась за правый бок.

— Людмила Сергеевна, извините.

— Не извиняйся, — сказала Пахарева. — Извиняются за то, что сделали. Ты ничего не сделала, ты пришла с вопросом, на который нет ответа. Ты лучше сходи посмотри журнал вскрытий — вот это у нас ведут, — она написала на бумажке «журнал вскрытий сейфа, опер. упр., лист за 4.12» и подчеркнула, — и сходи до обеда, пока я добрая.

Журнал вскрытий лежал не в бухгалтерии, а в канцелярии, в комнате без окон, где стояли шкафы, набитые подшивками, и работала Лида, женщина, которая знала, где лежит всё, включая то, чего в банке никогда не было.

По журналу выходило так. Сейф операционного управления вскрывали четвёртого декабря один раз — в восемнадцать двадцать, «по служебной необходимости». В графе «вскрыл» стояла подпись, под ней расшифровка: «Оборин С. Д.».

Напротив, в графе «изъято», ничего не было написано. Лист шёл с пропущенной строкой. Один ряд клеток — и пустота, ровно такая, какая бывает у сейфа, из которого ничего не брали.

— Лида, — спросила Ася, — а вот когда сейф вскрывают, но ничего не изымают, они пишут что?

— Пишут «—», — сказала Лида. — Прямо прочерк ставят, чтобы было видно, что писали не в конце месяца.

— А тут не прочерк.

— А тут вообще ничего, — согласилась Лида. — Я тебе это подпишу, только ты меня в свидетели не бери, у меня ребёнок в музыкальной школе.

Сергей Дмитриевич Оборин, заместитель управляющего филиалом, куратор операционного блока, был человеком, которого в банке почти не видели. Он был в командировках: Москва, головной офис, обучение, банковские клубы, конференция по развитию сети. В филиале он появлялся, чтобы поставить две подписи и уехать, и про него говорили «наш человек в самолёте».

В четверть второго Ася поднялась на четвёртый этаж. Секретарь Оборина, девушка по имени Кристина, сказала, что Сергей Дмитриевич в Москве и будет в понедельник.

— Он вчера был?

— Вчера был, — сказала Кристина. — С утра до шести.

— А в шесть?

— В шесть он ушёл. — Она задумалась и добавила без всякой нужды: — Ему как раз машину подавали, князь приехал.

— Кто?

— Никто, — быстро сказала Кристина. — Мы так его называем. Не слушайте меня, я глупость сказала.

В коридоре между четвёртым и третьим Ася догнала Крамского, который шёл с папкой в сторону кассы.

— Станислав Эдуардович, можно два вопроса.

— У меня один. Ты почему на четвёртом? — Он посмотрел на неё и вдруг вздохнул. — Ладно. Пойдём ко мне, только у меня три минуты, а потом я уезжаю.

В кабинете он сел, открыл форточку, закурил, не зажигая света, потому что уже посветлело, и сказал:

— Говори коротко, без глаголов.

Ася сказала коротко.

Крамской слушал, смотрел в форточку и молчал так долго, что она успела испугаться, что он сейчас скажет «не лезь» и вопрос закроется навсегда.

— Знаешь, чем отличается подпись от человека? — сказал он наконец. — Человек устаёт, ошибается, забывает, болеет. Подпись ничего из этого не делает. Подпись — это чистое право, и её нельзя подделать, поэтому её нельзя и потерять. Её можно только отдать.

— Или взять.

— Взять её нельзя, — сказал Крамской. — Можно взять ключ. Но ключ — это бумажка, а бумажка в конверте в сейфе. Если ты хочешь сказать мне, что кто-то вскрыл сейф операционного управления вечером четвёртого декабря, чтобы отправить миллион двести сорок тысяч евро по контракту, паспорт по которому закрыт, я тебе скажу одно: ты описываешь не ошибку. Ты описываешь решение. А решения в нашем банке принимают не в шесть тридцать вечера.

— А когда?

— Когда нужно, чтобы никто не видел, — сказал Крамской и затушил сигарету о подоконник. — Погодина, я уезжаю в область, буду завтра к вечеру. Ничего никому не подписывай. Ничего никуда не пересылай. Работай как обычно и записывай.

Он встал и посмотрел на неё уже почти мягко.

— И ещё. Ты в тетрадке пишешь?

— Пишу.

— Пиши в двух. Одну держи в столе, вторую — там, где не ищут.

Она не стала спрашивать, где не ищут. Ей показалось, что он и сам не знает.

В половине седьмого Оля Гунько, двадцати четырёх лет, вторая операционистка и человек, которому Ася верила процентов на восемьдесят, догнала её в раздевалке.

— Ась, ты не знаешь?

— Что я не знаю?

— Круглов. — Оля говорила полушёпотом, хотя в раздевалке было пусто. — Валерий Тимофеевич. Его сегодня весь день ко мне подходили спрашивать.

— Кто?

— Из внутреннего контроля звонили из Москвы. Два раза. Спрашивали, когда он последний раз был. Я сказала, что в среду. — Она помолчала. — Ася, я его видела в среду. Я в шесть с чем-то выходила, он шёл через парковку, с ним был пакет, зелёный, вот такой. — Она показала руками. — Огромный.

— Ты это кому-нибудь сказала?

— Сказала Розе Ивановне в охране, — сказала Оля. — Потому что он ночью с пакетом, я думала, у него дача.

Ася надела пальто и тут же сняла с вешалки шарф.

— Оля, а журнал вноса-выноса за среду есть?

— Ой. — Оля заморгала. — Мы его смотрели. Роза Ивановна показывала. Ась, там за среду страницы нет.

— Как нет?

— Вырвана, — сказала Оля. — Ровно одна, за четвертое. Она говорит, что её, наверное, Борис порвал, потому что он журнал на подоконнике держит и вырывает, чтобы не писать. Только за среду он не работал, у него смена с пятницы.

Глава 3. Назначение платежа

В филиале есть место, куда никто не ходит по своей воле, и это подвал.

Подвал — это не склад. Это память банка, разложенная по номенклатуре дел. Здесь живут паспорта сделок закрытых контрактов, здесь стоят стеллажи с кредитными делами, здесь на каждой полке приклеен бумажный ярлык с номером, и на каждом ярлыке от руки дописано, кто последний раз брал дело, потому что порядок держится не на дисциплине, а на стыде.

Ася спустилась туда в четверг в десять утра с фонарём от старого сейфа — в подвале две лампы на восемь стеллажей, и обе дают свет, при котором удобно искать не то, что нужно, а то, что попадётся.

Лида шла с ней, потому что ключи от подвала были у Лиды.

— Ты ищи вот тут и тут, — сказала она, показав два стеллажа. — Валютные — левый, за седьмым годом. Только Настя, я тебе сразу скажу: если дела нет, это не значит, что его взяли. Если дела нет — это значит, что его ещё не положили.

— Его закрыли тридцатого ноября.

— Ну вот и я о том, — сказала Лида непонятно.

Папка была на месте.

Она стояла в третьей связке, между делом «Промметаллснаб» и делом «Сфера-Трейд», плотная, на веревочных завязках, с круглым голубым штампом на обложке и надписью от руки: «44-М. АКТИВНО». «Активно» на обложке значило, что дело не закончилось, что по нему ещё будут операции, и что списывать его в архив нельзя. Кто-то написал это слово синей ручкой, кто-то другой — поставил дату и подпись.

Ася села на низкую табуретку, положила папку на колени и открыла.

То, что должно быть в паспорте сделки, там было.

Заявление на открытие паспорта сделки — на двух листах, подпись директора, печать круглой формы, ИНН, ОКПО, адрес регистрации: «г. наш, ул. Северная, 14, комната 3».

Справка о регистрации, копия свидетельства, копия устава на семи листах, копия решения о назначении директора.

Договор.

Договор был именно копией: на каждом листе — серо-зелёная полоса копировальной машины, у которой сел тонер. Копия контракта на поставку металлолома между обществом с ограниченной ответственностью «Стройтранзит-Инвест» и компанией Riverton Investments Limited, зарегистрированной, как следовало из текста, на Британских Виргинских островах.

Восемь листов.

Листов было восемь, а пронумерованы они были на десять.

Ася перелистнула ещё раз, потом ещё раз, потом пересчитала: первый, второй, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый.

Третьего и четвёртого листа не было.

На пятом листе стоял пункт «Общая сумма контракта» — один миллион двести сорок тысяч евро. На восьмом — «Условия поставки». На девятом — спецификация. На десятом — реквизиты, и реквизитов было пять: наш банк с корреспондентским счётом в Цюрихе, цюрихский банк, аккредитив, инкассо и «платёж по предъявлении».

А третий и четвёртый листы — те, на которых в любом контракте написано, чем платят, к какому сроку и кто имеет право заплатить, — отсутствовали.

Ася сидела в подвале, при свете одной лампы, и держала на коленях папку, в которой недоставало самой главной страницы.

Вот тут бы любому человеку остановиться.

Но она была не следователем и не журналистом, она была экономистом валютного отдела, и единственное, что она умела делать лучше многих в этом городе, — это сверять бумаги. А сверять недоставало не с чем.

Значит, надо было найти то, с чем.

Она вышла из валютного ряда и пошла в глубину, где за железной перегородкой стояли стеллажи кредитного архива. Туда она права не имела ходить: кредитные дела — не её зона, у неё нет доступа, и если бы её там встретили, ей нечего было бы сказать.

Дверь в перегородке была прикрыта, но не заперта, потому что в подвал ходят только свои.

Ася вошла и включила свет.

Кредитные дела хранились по годам и по алфавиту, и «Стройтранзит-Инвест» должен был стоять в этом году, между «Стройсервисом» и «Стройтехмонтажом». Она нашла нужную полку, нашла место и не нашла дела.

А потом она посмотрела наверх.

Дело «Стройтранзит-Инвест» лежало на верхней полке, поперёк всех остальных, не по описи и не по алфавиту, — так, как кладут бумагу, которую принесли в подвал в шесть вечера и положили в первое место, где было пусто, потому что человек торопился.

Она сняла его, положила на стол для просмотра — фанерный, с зелёным сукном и следами от стакана, — и открыла.

Кредитный договор номер 41/07 от двенадцатого марта. Заёмщик — ООО «Стройтранзит-Инвест». Сумма — сорок миллионов рублей. Срок — двести семьдесят дней, то есть девять месяцев. Ставка — четырнадцать процентов годовых. Цель кредита — «пополнение оборотных средств».

Обеспечение.

Вот тут Ася и села уже по-настоящему.

Обеспечением по договору был залог векселей. Векселя серии КИ. Сорок две штуки по миллиону рублей каждая, с дисконтом в восемь процентов от номинала, что давало залоговую стоимость тридцать восемь миллионов шестьсот сорок тысяч рублей.

Плюс поручительство ООО «Промметаллснаб», которое Ася в валютном отделе не видела никогда, потому что у него не было ни одного контракта, ни одной поставки, ни одного паспорта сделки. Поручитель-призрак. Поручитель, который существует ровно настолько, чтобы стоять в графе.

Но главное было в первой строке, в графе «вид обеспечения». Там было написано, чьи векселя.

АКБ «Кредитинвест». Наш банк. Серия КИ.

Ася прочитала это трижды, потому что человек, впервые понявший то, что поняла она, читает подобное трижды: сначала как фразу, потом как абзац, потом как приговор.

Банк выдал сорок миллионов рублей фирме, у которой нет ничего, и взял в обеспечение по этим сорока миллионам собственные векселя.

Вексель — это долговая расписка. Бумага, по которой тот, кто её выдал, обязан заплатить тому, кто её предъявит. Вексель удобен тем, что его можно продать; вексель опасен тем, что его можно продать, не сказав, сколько таких векселей уже на рынке.

Вексель банка — это долг банка. Не актив банка, не богатство банка, а именно долг: обязательство отдать деньги.

И вот эти самые долги банка лежали в залоге по кредиту, который банк выдал своими же деньгами.

Кредит, обеспеченный залогом собственных долгов, — это не кредит. Это запись в двух книгах: в одной написано, что деньги у тебя взяли, в другой — что ты сам себе обещал их вернуть.

И если это аккуратно пересчитать, то сорок миллионов рублей превращаются в ноль: деньги ушли, а обеспечение стоит ровно столько, сколько банк и так должен по этим векселям.

В залоге должно лежать то, что стоит денег само по себе. Залог — это не символ. Залог — это то, что ты можешь забрать и продать другому человеку, если твой должник исчезнет. Залог, который можно продать только тебе самому, — не залог. Это зеркало, поставленное напротив другого зеркала, где за бесконечным коридором ничего нет.

Ася сфотографировала листы. Фотоаппарат был плёночной мыльницей, которую она купила в две тысячи первом для практики в университете; на него снимать документы было неудобно, но снимать телефоном в подвале филиала ей не пришло в голову ни тогда, ни потом, и эта её осторожность через полгода спасла её от одного большого разговора.

Она сняла штук пятнадцать кадров, при каждом жужжании аппарата вздрагивая от того, что кто-то сейчас войдёт.

Потом она вернула дело на верхнюю полку, ровно поперёк, как оно лежало, вышла из перегородки, выключила свет и поправила валютную папку «44-М» на её законное место.

Перед тем как подняться наверх, она ещё раз раскрыла валютную папку — и на десятом листе, в самом низу, под реквизитами, увидела оттиск круглой печати.

Печать была не наша. Наша — синяя, с квадратной рамкой и словом «филиал». У этой был герб и надпись по кругу, вытертая с одного бока ровно так, как вытирается то, чем пользуются каждый день двадцать лет.

Ася наклонилась и прочитала.

Оттиск был поставлен на десятом листе копии контракта — там, где полагается стоять отметке о легализации.

Круглая печать: «Консульский отдел. Торговое представительство». Дата — двадцать первое марта. Номер от руки — 0418/3. Подпись: короткая, с наклоном вправо, похожая на три буквы, из которых читается только первая — «К».

Ася знала, что такое легализация, но знала вяло, по институту: документы, которые едут через границу, должны быть удостоверены, потому что чужой чиновник не обязан верить бумаге с чужого стола.

Консульская легализация — это удостоверение. Консул не проверяет, правда ли написана в бумаге. Консул проверяет, что подпись на бумаге настоящая и что человек, который её поставил, действительно тот, кем назвался. Что в бумаге написана ерунда, консул не проверяет и по своему положению проверять не обязан.

Значит, на этой копии кто-то удостоверил, что директор «Стройтранзит-Инвеста» — тот самый человек, который подписал бумагу, которую принесли в консульский отдел двадцать первого марта.

Копия контракта, легализованная в консульском отделе торгового представительства, — для того чтобы её потом положили в папку паспорта сделки в филиале банка в областном городе. Внутрь страны. Для внутреннего пользования.

Ася поднялась из подвала, отдала Лиде ключи, поблагодарила и пошла к себе, и всю дорогу по лестнице у неё в голове крутилась одна простая мысль: консульское удостоверение нужно там, где бумага пересекает границу. Внутри страны оно не нужно никому. Значит, бумага собиралась пересечь границу — или уже пересекла.

В операционном зале в четверть двенадцатого было девять человек в очереди и один человек не в очереди.

Человек не в очереди сидел в кресле у окна, положив ногу на ногу, держал на коленях тонкую кожаную папку и разговаривал с Виктором Кузьмичом Ремезом, который стоял перед ним, слегка наклонившись, как наклоняются не от уважения, а от того, что тебе сказали: наклонись.

Человек был в сером пальто и в перстне, и пальто у него было такое, какое в этом городе зимой носят не для тепла, а чтобы было видно, что человек не мёрзнет.

Рядом, чуть в стороне, стоял второй — молодой, коротко стриженный, в куртке, с лицом человека, которому с детства говорили, что он симпатичный, и он этому поверил.

Ася узнала обоих.

Первого звали Григорий Львович Бурмистров, но в городе его звали Гриша Бурый, и он был директором охранного предприятия «Ратник-С». Второго звали Саша Михельсон, и он был у Бурмистрова водителем, заместителем и, если верить слухам, кассиром.

Они приходили в банк раз в неделю, обычно в четверг, и никогда — с документами.

— Виктор Кузьмич, — говорил Бурый ровно, спокойно, тем голосом, каким люди объясняют своим детям, почему нельзя есть снег. — Мне надо не «в течение месяца». Мне надо, чтобы вы понимали: месяц — это моё слово, а не бумага. Бумагу мы подпишем, но бумага у нас — не главное. Главное — что мы с вами договорились. Мы договорились?

— Договорились, — сказал Ремез.

— Вот и хорошо, — сказал Бурый, встал, надел шапку, ни на кого не посмотрел и пошёл к выходу.

Михельсон пошёл за ним.

Проходя мимо стойки, Бурый обернулся к Асе — не потому, что знал её, а потому, что она стояла одна и смотрела на него прямо, а Бурый не любил, когда на него смотрят прямо, и всегда это замечал.

Он чуть склонил голову набок, как склоняют голову, разглядывая вывеску, и вышел.

Пахарева вышла из-за стойки и сказала вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Настя, иди к себе.

— А что это было?

— Это был вторник.

— Сегодня четверг.

— У них в банке свой вторник, — сказала Пахарева. — Иди. И вот что: когда они в зале, ты в зал не выходи.

— Почему?

— Потому что они считают, что кто в зал вышел, тот им что-то должен, — сказала Пахарева и пошла к клиентам, потому что очередь кончалась, а день только начинался.

В кассу валютного отдела, за которой тридцать один год сидела Клавдия Егоровна Ситникова, Ася зашла после обеда — за справкой по остатку, а осталась на полчаса, потому что Клавдия Егоровна умела говорить о работе так, что от её рассказов становилось неуютно и очень интересно.

— Ячейки в подвале? — переспросила Клавдия Егоровна, не переставая пересчитывать. — Сорок шесть у нас. Четыре человека ими пользуются.

— Кто?

— Ну зачем тебе кто. — Она посмотрела на Асю поверх очков. — Я тебе про другое скажу. Ты знаешь, чем ячейка отличается от счёта?

— Ячейка — это место для хранения ценностей. Счёт — это учёт денег.

Про счёт банк знает всё: сколько у тебя лежит, откуда пришло, куда ушло. А про ячейку банк не знает ничего, — сказала Клавдия Егоровна

Она отложила пачку и подняла палец.

— Банку это очень удобно. Потому что, во-первых, он берёт деньги за незнание. Во-вторых, если в ячейке что-то случится, он отвечает только за замок, а за содержимое не отвечает вообще. А в-третьих, — Клавдия Егоровна понизила голос, — деньги, которые лежат в ячейке, для банка не деньги. И для налогов это не деньги, и для проверки это не деньги, и в балансе они висят как коробка.

Она вернулась к пересчёту и добавила уже обычным голосом, будто говорила о погоде:

— У нас в подвале сорок первая ячейка. Её не сдают и не закрывают лет пять. И знаешь что? Я сорок лет считаю кассу. Я знаю, что если человек каждый четверг заходит в подвал с сумкой и выходит без сумки, а потом через неделю заходит с сумкой и выходит без неё, — то сорок первая ячейка не пустует. А я туда не смотрю и смотреть не буду. Я не хочу знать, сколько чужих денег у меня под ногами. Я хочу получать пенсию.

Ася задала последний вопрос, хотя уже понимала, что ответ она унесёт с собой на третий этаж и не отдаст никому:

— Клавдия Егоровна, а на каком счёте эти деньги, по-вашему, лежат у банка?

— Ни на каком, — сказала Клавдия Егоровна и улыбнулась совершенно спокойно. — В том-то и дело, девочка. Они лежат у банка внутри банка. Это называется залог? Нет. Это называется хранение? Нет. Это называется никак. А никак — самая дорогая форма учёта, какую я за тридцать один год видела.

Вечером Ася сидела в автобусе, держалась за поручень в мокрой от снега перчатке и складывала цифры, как складывают в уме пасьянс.

Сорок миллионов рублей — кредит. Тридцать восемь миллионов шестьсот тысяч — залоговая стоимость векселей, то есть долгов, которые банк и так обязан будет заплатить, если их предъявят.

Один миллион двести сорок тысяч евро — платёж, ушедший четвёртого декабря из Цюриха. По курсу в тот день — примерно тридцать два с половиной миллиона рублей.

Один миллион двести сорок тысяч евро — цена контракта. Ровно столько же. Как под копирку.

Фирма «Стройтранзит-Инвест» зарегистрирована в комнате три. У неё нет ни сотрудников, ни площадки, ни техники, ни приёмки. Директор существует, подпись существует, документы легализованы. Кредит выдан в марте. В декабре деньги ушли за границу как оплата за металлолом, которого никто не видел. Залогом стоят долги самого банка. Поручителем — фирма, которой нет в валютной ведомости.

Это было не воровство.

Воровство — это когда берут то, чего нет. А здесь всё было: есть кредит, есть залог, есть контракт, есть платёж, есть подписи, есть печати, есть справки.

Нет только лома. Нет фирмы. И нет денег.

Автобус стоял на перекрёстке, мимо шли люди, и у всех у них в карманах были деньги, которых было ровно столько, сколько написано в ведомостях их собственных банков.

Глава 4. Инкассо

Юрист филиала Дмитрий Аркадьевич Мосин занимал кабинет на втором этаже, в котором всегда было две вещи: очень много бумаги и очень мало воздуха.

— Мосин, — сказал он, не отрываясь от чтения. — Слушаю.

— Дмитрий Аркадьевич, у меня вопрос по легализации.

— По чьей?

— По консульской. Оттиск консульского отдела на копии контракта. Что это значит юридически?

Мосин поднял голову, снял очки, протёр их о галстук и посмотрел на неё с некоторым интересом.

— Это значит, что кто-то потратил деньги, — сказал он. — Легализация стоит денег, времени и одного захода в консульский отдел. Заход стоит от ста рублей за документ, но заходов надо много, и никто не пойдёт их делать ради копии, которая тебе нужна для папки.

— Что удостоверяет консул?

— Что подпись настоящая. — Мосин отложил очки. — Только и всего. У нас в стране три способа удостоверить документ. Первый: нотариус — удостоверяет, что копия соответствует подлиннику. То есть нотариус смотрит на две бумаги и говорит, что это одна и та же бумага. Смысл в бумаге он не проверяет, ему плевать.

— Второй?

— Второй: апостиль — это печать, которая упрощает признание документа за границей. Третий: консульская легализация — это когда документ удостоверяет консул, потому что страны между собой об апостиле не договорились.

Мосин встал, подошёл к окну и добавил, глядя на улицу:

— И во всех трёх случаях есть одно правило, которое люди усвоили плохо. Документ — это не то, что написано. Документ — это набор признаков, по которым его узнают: бумага, шрифт, подпись, печать, дата, номер регистрации. Если все признаки на месте, документ настоящий. Даже если он весь придуман.

— То есть я не могу по легализации узнать, что за контрактом ничего нет.

— Ты вообще по бумаге не можешь узнать, что за ней ничего нет, — сказал Мосин. — Ты можешь узнать, что за ней кто-то стоит. Это разные вещи, и смешивать их — самая дорогая привычка в нашей профессии.

Ася помолчала и спросила то, зачем пришла:

— Дмитрий Аркадьевич, а если деньги ушли по контракту, в котором написано инкассо?

Мосин обернулся.

— Это уже интересно. Говори.

И она рассказала — не всё, но много: про четвёртое декабря, про списание из Цюриха, про закрытый паспорт сделки, про два вырванных листа и про то, что в контракте стоит инкассо.

Мосин слушал, смотрел на неё и, когда она дошла до векселей, попросил повторить.

Она повторила.

— Значит, так, — сказал он медленно. — Инкассо — это когда ты поручаешь банку передать документы против денег. Банк ничего не гарантирует. Банк не платит за покупателя, банк не отвечает за покупателя, банк даже документы не обязан читать: он принимает их по описи и пересылает. Всё, что делает банк, — это идёт в чужой банк с папкой и говорит: вот документы, дайте денег.

— А аккредитив?

— Аккредитив — наоборот. Аккредитив — это когда банк берёт на себя обязательство заплатить, если ему предъявят вот такие документы. Аккредитив держится на банке. Инкассо держится на продавце и покупателе, а банк при них — извозчик.

Он сел, сложил руки на столе.

— И вот теперь смотри, что у тебя. В контракте написано инкассо. Инкассо — это всегда длинно: бумаги идут в один банк, потом в другой, потом обратно, покупатель проверяет документы, потом платит, потом получает бумаги. В инкассо невозможно просто так взять и перевести деньги. Инкассо — это медленно, потому что медленно — это и есть весь смысл.

— А деньги ушли переводом.

— Деньги ушли переводом, — согласился Мосин. — Без документов, без комплектности, без подтверждения отгрузки, без ничего. И это значит, что у контракта две разные жизни: одна — в тексте, где написано инкассо, и вторая — в учёте, где прошёл простой перевод.

Он помолчал.

— Девочка, ты понимаешь, что это не мошенничество?

Ася уставилась на него.

— В юридическом смысле — не мошенничество, — сказал Мосин спокойно. — Мошенничество — это когда есть потерпевший. Потерпевший у тебя — банк. А банк — это мы. Если потерпит банк, то тебе никто не даст прийти и сказать «нас обманули». Придут другие люди и скажут «мы ошиблись в оценке рисков». И это будет одна и та же фраза, только в разных костюмах.

— И что тогда уголовное?

— Уголовное — это когда деньги ушли из банка и не вернулись, а банк перестал платить своим вкладчикам. — Мосин надел очки. — Тогда начинают искать не того, кто взял, а того, кто подписал. Запомни: ищут всегда не получателя, а подписанта. Потому что подписант — это тот, кто существует.

— А если подписант — я?

Мосин внимательно посмотрел на неё поверх очков и ответил честно, потому что был юристом:

— Тогда, Анастасия Сергеевна, вам нужно, чтобы у вас было письменное доказательство, что это не ваше решение. Не «я подумала», не «я не знала», а бумага с датой. Юридически существует только то, что датировано.

Ася вышла от юриста в половине четвёртого.

В коридоре шёл обычный банковский декабрь: ёлки, гирлянды, ящик шампанского, привезённый клиентом, и женщина из отдела вкладов, которая вешала на стенд объявление о новогодних вкладах с двумя процентами и надписью «успей до 31 декабря». Никто никуда не опаздывал, всем было хорошо, и тридцать первого декабря в этом банке должно было случиться самое главное событие года: закрытие.

И тогда она сделала то, что делают все упрямые люди на её месте: взяла телефон и позвонила в торговое представительство.

— Консульский отдел, — сказал ровный женский голос. — Приём документов: понедельник, среда, пятница, с десяти до тринадцати. По вопросам легализации — по телефону не консультируем.

— Я из банка, — сказала Ася. — Мне нужно уточнить сведения по одному документу, легализованному у вас двадцать первого марта.

— По телефону не консультируем, — повторил голос.

— А кто по этому вопросу может говорить?

Голос помолчал и вдруг спросил очень по-человечески:

— А вы кто по фамилии?

— Погодина. Экономист валютного отдела.

— Погодина, — сказал голос. — Приходите в пятницу к десяти. Спросите Марьяну Олеговну. Только, пожалуйста, приходите сами, и лучше без звонков.

В пятницу она была у торгпредства без пяти десять.

Здание стояло в центре, между гостиницей и музыкальным училищем, серое, с высокими окнами и с флагом на коротком флагштоке, который в декабре не поднимали — не из-за погоды, а потому что флаг на морозе становится деревянным.

Вход был общий, с улицы, и на двери висели две таблички: «Торговое представительство» и «Консульский отдел. Приём документов».

В коридоре перед приёмной сидело одиннадцать человек. У восьми в руках были одинаковые папки — плотные, с завязками, купленные в одном магазине на одной улице; у трёх на коленях лежали бумаги врассыпную, и эти три человека явно пришли не по делу, а по недоразумению.

Ася села в очередь и стала слушать, потому что в очереди всегда говорят о самом деле.

Женщина лет сорока, с папкой и в шубе, объясняла соседке:

— Мне надо апостиль, а они мне дают легализацию. Я говорю: у меня муж в Германии, у меня нотариальная копия. А они: у нас с Германией свой регламент, идите в министерство юстиции.

— А что в министерстве?

— В министерстве говорят: мы делаем апостиль только на документы, которые уже удостоверены нотариально. А нотариус говорит: я не удостоверяю копии с документов, которые выданы учреждениями. И вот я езжу третью неделю.

Молодой человек в куртке, с папкой на коленях, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Мне легализуют справку о цене. Она у меня на двух языках.

— На каком втором? — спросила женщина в шубе.

— На китайском.

— А кто переводил?

— Я.

— Вы китайский знаете?

— Я ничего не знаю, — сказал молодой человек спокойно. — Я знаю, что китаец, который её делал, тоже ничего не знает. Мы друг друга поняли.

Ася просидела в очереди сорок минут и поняла ещё одну вещь, которую потом много раз вспомнила: здесь не проверяли смысл. Здесь проверяли наличие признаков. Папка, перевод, шнур, пломба, копия, подпись. Всё это вместе называлось доверием, и стоило это сто рублей за документ.

В четверть одиннадцатого её позвали.

Марьяна Олеговна Кром выглядела на двадцать шесть, и, судя по её отчеству, была ровно ровесницей Аси, только в другой жизни: другой институт, другой город, другой стол и другая зарплата. Она сидела за стойкой, перед ней стоял высокий барьер из оргстекла, и она говорила с людьми так, как говорят с людьми в учреждении: ровно, одинаково, ни с кем не слушая.

— Слушаю вас.

— Погодина, экономист валютного отдела акционерного коммерческого банка. — Ася положила на стойку заранее написанный запрос. — Мы проводим проверку соблюдения валютного законодательства по одному паспорту сделки. Прошу подтвердить факт легализации копии контракта по оттиску от двадцать первого марта.

Кром взяла лист, прочитала его внимательно, от начала до конца, и Ася поняла, что дело не в тексте: Кром читала, чтобы выиграть время.

— Сведения о заявителях мы выдаём по запросу организации, — сказала она наконец. — У вас есть письмо?

— Есть запрос, подписанный мной. — Ася показала второй лист. — Банк является агентом валютного контроля. Мы вправе запрашивать сведения, необходимые для исполнения функций агента.

— Вы вправе запрашивать, а я обязана рассматривать. Срок рассмотрения — тридцать дней.

— Марьяна Олеговна, — сказала Ася тихо, — оттиск стоит на копии контракта, в котором написано инкассо, а деньги по нему ушли переводом. Мне надо понять только одно: бумага легализована вашим отделом или это чужой оттиск.

Кром смотрела на неё секунд пять.

Потом она сказала:

— Второе окно, — и встала, забрав с собой лист Аси.

Она вернулась через шесть минут с большой книгой в коленкоровой обложке — журнал регистрации, куда рукой вписывают приём документов, потому что в учреждениях, где стоит компьютер, журнал всё равно ведут рукой.

— Двадцать первое марта, — сказала Кром, открыв нужный лист и повернув книгу к Асе. — Видите графу?

— Вижу.

— Видите номер пакета?

Пакет номер сорок семь. Заявитель — общество с ограниченной ответственностью «Стройтранзит-Инвест». Тридцать два документа, из них: контракт — на восьми листах, спецификация, инвойс, счёт-фактура, копии уставных документов, справка из банка о реквизитах, и ещё пять позиций, которых Ася не успела прочитать.

Тридцать два документа за один приём.

Ася подняла глаза на Кром.

— Тридцать два документа — это много?

— Это невозможно, — сказала Кром. — Смотрите.

Она перевернула страницу и провела пальцем по всему листу. За двадцать первое марта в журнале стояло четыре записи: пакет сорок четыре — «Промметаллснаб», пакет сорок пять — «Сфера-Трейд», пакет сорок шесть — «Гранд-Капитал», пакет сорок семь — «Стройтранзит-Инвест».

В графе «принял» против всех четырёх стояла одна и та же подпись — короткая, с наклоном, похожая на три буквы.

— У нас два-три пакета в месяц, — сказала Кром негромко. — В марте у нас было четыре пакета в один день. Про такое обычно говорят «день был тяжёлый». Я вам этого не говорила.

— А кто принимал?

— Это не я, — быстро сказала Кром. — Это Сергей Николаевич. Он уволился в октябре по собственному желанию и уехал, я не знаю куда, и, честно говоря, я не хочу знать.

Она закрыла журнал, но не подняла его со стойки.

— Анастасия Сергеевна, — сказала она уже совсем другим голосом, тише и злее. — Я вам сейчас ничего не сказала, потому что у меня нет права говорить, и вам ничего не дала, потому что у меня нет права давать. Зато у меня есть право запомнить. Я запомню, что вы приходили, и запомню, что вы спросили про Сергея Николаевича.

— Зачем?

— Затем, что если через месяц у меня заберут журнал, то кто-нибудь должен помнить, что он был, — сказала Кром и наконец подняла книгу со стойки. — Всего доброго. Тридцать дней.

В коридоре её догнал высокий человек в очках, в тёмном костюме, с той особой осанкой, которую дают двадцать лет работы с иностранцами.

— Прошу прощения. Бекман, Артур Янович, советник торгового представительства.

— Погодина.

— Я знаю, кто вы. — Он шёл рядом с ней к выходу и говорил тихо. — Я подошёл не для того, чтобы вам что-то запретить. Я вам скажу одну вещь, и мы разойдёмся. Легализация — это единственная форма доверия, которая у нас есть между странами. Всё остальное — это договорённости на бумаге, а бумага без подписи ничего не стоит. Поэтому консул удостоверяет подпись. Он не ищет правду. Он удостоверяет, что человек существует.

— Что если человек существует, а контракта нет?

— Тогда придёт банк и вернёт деньги, — сказал Бекман. — Так устроен мир: тот, кто заплатил, всегда найдёт, кому предъявить.

Он остановился у дверей.

— И ещё. Не ищите здесь правду, здесь её нет по устройству. Ищите того, кто ставил печать, когда не должен был. Печать — это как подпись: её нельзя отдать, но можно взять. И это всегда заметно, потому что тот, кто её взял, никогда не ставит её дважды в одно место.

Он поклонился коротко и вернулся внутрь.

Ася вышла на улицу. Снег шёл третий час и уже лежал на всём, что не двигалось.

У тротуара, второй по счёту от угла, стоял чёрный джип с выключенными фарами. Когда она прошла мимо, из него вышел Саша Михельсон и очень вежливо сказал:

— Анастасия Сергеевна. Доброе утро. Вам подвезти? Нам сказали, вы сегодня по делам ездили.

Глава 5. Остаток на начало дня

Понедельник в банке начинается не с плана, а с остатка.

Остаток на начало дня — это сумма, с которой филиал проснулся на своём корреспондентском счёте. Всё остальное — лимиты, прогнозы, обещания клиентам — это то, что будет. Остаток — это то, что есть. Поэтому в девять ноль-ноль операционный отдел сверяет остаток, и если он меньше, чем нужно на рейсы, весь филиал живёт не по расписанию, а по звонкам.

В первый рабочий день после торгпредства остаток был восемь миллионов двести тысяч рублей. Это мало: на одиннадцатичасовой рейс хватало, на пятнадцатичасовой — только если что-нибудь вернётся днём, а на семнадцатичасовой не хватало вовсе.

Ася узнала об этом раньше, чем сняла шарф, потому что Людмила Сергеевна Пахарева уже стояла у её стола. Пахарева работала в операционном отделе двадцать шесть лет, знала про счета филиала то, чего не было ни в одной выписке, и умела объяснять деньги так, что становилось страшно.

— Погодина, ты в пятницу во сколько ушла?

— В пять.

— Значит, не видела. В пятницу в семнадцать сорок ушло три миллиона восемьсот. Двум нашим клиентам, оба платили за металл. Я думала, останемся без рейса, а ночью вернулось девятьсот двадцать.

— Откуда?

— Вот это, деточка, в операционном отделе не спрашивают, — сказала Пахарева и села на стул для посетителей. — У нас всё держится на ночном возврате. Утром остаток маленький, днём мы его набираем, вечером всё уходит в расчёт, а ночью возвращается. Ночной возврат — это не деньги, которые к нам пришли. Это деньги, которые к нам вернулись. Разница как между зарплатой и долгом: сумма та же, а живут люди по-разному.

— А если не вернутся?

— К обеду будет картотека, — сказала Пахарева спокойно. — Платёжки лежат в очереди, потому что денег на счёте нет, а клиенты стоят в операционном зале и смотрят, как я звоню в головной офис. Я такое за двадцать шесть лет видела трижды.

Она ушла, а Ася спустилась в кассу.

Касса в филиале — это зал на первом этаже, за стеклом, где три окна и витрина с монетами, привезёнными из командировок. За первым окном сидела Клавдия Егоровна Ситникова, кассир-валютчик, тридцать первый год за кассой.

— Клавдия Егоровна, курс за декабрь нужен. На четвёртое, пятое и шестое.

— Курс у меня не за декабрь, у меня курс за тридцать один год, — сказала Клавдия Егоровна и вынула из-под кассы общую тетрадь в клеёнчатой обложке. — На четвёртое — тридцать пять семьдесят. На пятое — тридцать пять восемьдесят два. На шестое — тридцать пять шестьдесят девять.

— И всё?

— И всё. Курс — это не деньги, это цена, по которой деньги никому не нужны.

Она переписала три строки на отдельный листок, поставила дату, подпись и отдала Асе, и только после этого посмотрела на неё по-настоящему.

— Выборку валютную делаешь?

— Делаю.

— За четвёртое декабря?

Ася молчала.

— Ты не смотри на меня так, — сказала Клавдия Егоровна. — У меня в зале двое стоят. Одна женщина вклад несёт, у неё срок третьего января, и она спрашивает, успеет ли до трид-

цать первого. Второй — клиент, у него платёж, и он спрашивает, уйдёт платёж сегодня или завтра. Обе очереди стоят в одном зале и смотрят друг на друга, и каждая думает, что другая чего-то не знает.

— А они не знают?

— Никто не знает. Знает только тот, у кого касса. — Она поправила в витрине монеты, которые и так стояли ровно. — Ты, Погодина, папку завела?

— Завела.

— Тогда запомни, я тебе это говорю, потому что тридцать один год расписываюсь. В кассе подпись ставят под суммой: сумма — это то, что лежит перед тобой и что можно пересчитать. А у вас в отделе подпись ставят под знанием, а знание пересчитать нельзя. Поэтому за знание в банке отвечает тот, кто первый написал.

И уже в спину, когда Ася выходила:

— И, если у тебя спросят, закрывается филиал или нет, — не отвечай. У нас с утра двое спрашивали.

Ася открыла почту.

Почта в понедельник — это сто сорок писем, из которых сто тридцать восемь не про тебя: рассылки головного офиса, тарифы с первого января, приглашение на семинар по МСФО, поздравление от клиента с наступающим. Сто тридцать девятое было из головного офиса и было про неё.

«Управление внутреннего контроля и аудита. Исх. 06-14/3521 от 07.12.2007. О проведении проверки. Управляющему филиалом Верещагину А. П. В соответствии с планом работы на четвёртый квартал, в период с 24 по 29 декабря управление проводит проверку соблюдения филиалом валютного законодательства и полноты формирования резервов на возможные потери. Просим представить: выборку по расчётам с нерезидентами за 2007 год с указанием паспортов сделок, документов валютного контроля и движения денежных средств; сведения о качестве обеспечения по ссудной задолженности; пояснительные записки по фактам нерепатриации выручки. Заместитель начальника управления Л. М. Ярцев.»

В банке письмо читают дважды: один раз как текст, второй раз как дату.

Выборка по нерезидентам. То же самое, что просил у неё Круглов.

Чтобы получить такую выборку, головному офису не нужно её просить: это отчёт из базы, три кнопки и сорок минут. Её просят тогда, когда хотят, чтобы отчёт кто-то подписал.

В дверях появился Крамской. Станислав Эдуардович Крамской работал в банке двадцать второй год, из них четырнадцать — начальником валютного отдела, и был из тех людей, которых в банке называют старыми: у них нет карьерного плана, зато есть привычки, и эти привычки обычно и оказываются инструкцией. Главную Ася слышала раз сто сорок: «Документ — это не бумага. Документ — это дата».

— Видела? — спросил он и сел на второй стул, чего обычно не делал.

— Видела. Хочу готовить выборку.

— Правильно, — сказал Крамской. — И одно запиши, потому что понадобится: проверка — это не про то, что было. Проверка — это про то, как ты это объяснишь в письме.

Он посмотрел на неё так, как смотрят на человека, которого давно знают и уже немного жалеют.

— Пояснительные записки по фактам нерепатриации. Понимаешь, что это значит?

— Что мы напишем, почему клиенты не привезли выручку.

— Нет. Это значит, что нам предложат написать, почему виноват клиент. Не банк. Клиент. Потому что клиент не может написать письмо про нас, а мы можем написать письмо про него.

— И что писать?

— Правду, — сказал Крамской и встал. — Правду, Погодина. Но так, чтобы каждая фраза держалась за номер документа. Свободной правды в банке не бывает: свободной правдой можно напугать только ревизора.

— Станислав Эдуардович, а Круглов? Он третьего не вышел.

— Он в отпуске, — сказал Крамской ровно. — Заявление от четвёртого, по семейным, тридцать календарных дней. Это кадры, а не мы.

— В декабре никто не берёт отпуск по семейным.

— Вот именно, — сказал Крамской и вышел.

Ася просидела ещё минуту, потом открыла кадровую базу — не почту, а базу, в которой у каждого работника филиала есть карточка.

В карточке Круглова всё было в порядке, что и было самым неприятным. Приказ номер двести восемнадцать-к от четвёртого декабря: «предоставить отпуск по семейным обстоятельствам с пятого декабря сроком на тридцать календарных дней». Основание: личное заявление. Подпись управляющего — Верещагин, поставлена четвёртым, в четырнадцать сорок. В графе «дела сдал» — прочерк. В графе «ознакомлен» подписи не было вообще.

То есть отпуск был оформлен правильно, вовремя и на основании заявления — и человек о нём не знал, потому что человека в банке не было.

Ася закрыла карточку и обнаружила, что сидит очень прямо, как сидят, когда боятся.

А потом она снова открыла почту, чтобы отвлечься, и поняла, что ищет не письмо из управления, а другое.

Она нашла его в папке «Возможный спам».

Папка «Возможный спам» — это место, куда фильтр складывает письма от людей, чьих адресов он не знает. Внутренние адреса он знает все, кроме тех, которые меняются. Поэтому письмо внутреннего аудитора Валерия Тимофеевича Круглова лежало именно там — между рекламой колготок и предложением купить базу телефонов города.

Дата — второе декабря, шестнадцать сорок семь.

«Анастасия Сергеевна, добрый день. Мне нужна выборка по нерезидентам за 2007 год: плательщик, сумма, паспорт сделки, дата платежа и дата поступления выручки. Не из базы, а из папок, с номерами документов. И ничего не отвечайте на вопросы вслух, пожалуйста, пишите письмом. Если я не отвечу в течение трёх дней, просьба считать мою просьбу некорректной и вернуться к ней после праздников. С уважением, Валерий Тимофеевич Круглов.»

Не отвечу в течение трёх дней.

Ася подняла голову и посмотрела на настенный календарь — не на компьютерный, а на бумажный, с зимним лесом и медведем. Второе декабря было четвергом. Три дня — это пятое, среда.

Третьего, в понедельник, Круглов не вышел на работу. Заявление написано четвёртым, вторником. То есть в тот день, когда человек пропал, кто-то написал за него заявление — и написал так, чтобы он ещё месяц числился работником: зарплата в банке считается по табелю, а табель заполняют на всех, включая тех, кто не приходит.

Досматривать эту мысль Ася не стала, потому что у неё было дело.

Дело было.

Она открыла сейф, вынула жёлтую тетрадку, потом папку, в которой за неделю набралось всё: копия контракта 44-М с двумя вырванными листами, распечатка выписки по ностро за четвёртое декабря, копия листа журнала паспортов сделок с правкой от тридцатого ноября, распечатка кредитного договора 41/07 и её собственные записи, сделанные рукой, а не машиной.

Она разложила это на столе и впервые посмотрела не на бумаги, а на то, как они лежат.

Слева было то, что она получила официально: выписки, копии, распечатки — всё это существовало в банке до неё и могло быть получено кем угодно. Справа — то, что она узнала

сама: что листов в копии контракта восемь, а в деле шесть; что в контракте стоит инкассо, а деньги ушли переводом; что легализация прошла двадцать первого марта; что пакетов в тот день было четыре, и принял их один человек, который в октябре уволился и уехал.

Левая часть была доказательством. Правая — знанием. Между ними лежала вся разница между человеком, которого увольняют за чужой платёж, и человеком, у которого есть дата.

Даты у неё как раз и не было: то, что она узнала в пятницу в коридоре торгпредства, стоя в очереди с людьми и папками, не подтверждалось ни одним документом. Кром помнила и не имела права дать. Ася знала и не имела чем подтвердить.

В банке это называлось одним словом: сплетня.

Она спустилась на второй этаж, в канцелярию, где за столом сидела Лида, которая ведала всем, что в банке имеет номер: входящими, исходящими, приказами, журналом регистрации.

— Лида, бумага А4 у нас есть?

— У вас в отделе есть бумага А4.

— В отделе есть. Мне нужна не бумага.

Лида посмотрела на неё поверх очков, потому что была женщина опытная и понимала такие вещи быстрее начальников отделов.

— Тебе нужен номер, — сказала она. — Ты хочешь завести папку.

— Хочу.

— Тогда сначала номенклатура дел. — Лида вытащила из ящика тонкую папку. — Перечень дел, которые в филиале ведутся: приказы, распоряжения, переписка с головным офисом, кредитные дела по номерам, дела клиентов, валютные. У каждого номер и срок хранения: три года, пять, десять или до ликвидации. Ты, когда папку заводишь, ты её не заводишь, ты её регистрируешь.

— А если не зарегистрирую?

— Тогда это не папка, — сказала Лида. — Тогда это бумаги в папке. Их можно взять и выбросить, и никто не заметит, потому что у них нет номера, а значит, их и не было. Ты, Погодина, седьмой год работаешь и этого не знала?

— Знала, — сказала Ася.

— Конечно, знала. Просто до сегодняшнего дня тебе это было незачем. Заводи. И назови скучно, чтобы никто не спросил.

— Как?

— Скучно, — повторила Лида. — «Переписка по отдельным вопросам валютного контроля». Никто не спросит, что это за вопросы. А если спросят, у тебя будет номер.

Номер был ноль семь дробь четыре.

Ася вернулась к себе и сделала то, чего не делала ни разу за три года: разложила листы и стала их нумеровать — простым карандашом, в правом нижнем углу, каждый лист. Потом на отдельном листе написала опись: «Дело 07/4. Переписка по отдельным вопросам валютного контроля. Лист 1 — копия выписки по корреспондентскому счёту в Bank Nordkreis AG за 04.12.2007. Лист 2 — копия листа журнала учёта паспортов сделок с отметкой об изменении от 30.11.2007...» — и так двадцать восемь строк.

Внизу описи она поставила дату, должность, фамилию и подпись.

Это была первая бумага в её жизни, которую она подписала не за работу, а за знание. Подпись она поставила в двенадцать минут первого — аккуратно, почти без нажима, потому что подписи в банке ставят так: чем спокойнее человек ставит подпись, тем дольше она живёт.

Потом она занялась выборкой, и это оказалось просто.

Выборка по нерезидентам делается из двух мест: из паспортов сделок и из выписок по расчётам. Всё, что нужно, — чтобы строки сошлись. В нормальном банке на это уходит день, и день заканчивается тем, что строки не сходятся, но расхождение объясняется курсовой раз-

ницей и комиссией, и это нормально: деньги — не арифметика, деньги всегда на что-нибудь расползаются.

К пяти часам картина была такая. За год из филиала ушло в адрес нерезидентов сто двенадцать миллионов рублей в эквиваленте. Пришло клиентам от нерезидентов — девяносто четыре. Разница, восемнадцать миллионов, и называлась в отчёте нерепатриацией выручки; про неё банк пишет пояснительные записки и прикладывает копии контрактов, из которых видно, что клиент не виноват, а просто так вышло.

Но в выборке был блок, который Ася перечитала трижды.

Четвёртое декабря, восемнадцать тридцать одна. Из корреспондентского счёта филиала в Bank Nordkreis AG ушло один миллион двести сорок тысяч евро — по контракту 44-М, от общества «Стройтранзит-Инвест» в адрес компании Riverton Investments Limited с Британских Виргинских островов. В выборке нерезидентов этот платёж стоял отдельной строкой, потому что он вообще не был расчётом с клиентом: он уходил не со счёта клиента, а из позиции филиала — так уходят платежи по собственным обязательствам.

Пятое декабря, одиннадцать ноль четыре: на корреспондентский счёт филиала поступило четыре миллиона триста тысяч рублей. Назначение платежа — «возврат аванса по договору поставки». Плательщик — общество «Сфера-Трейд».

Шестое декабря, шестнадцать двенадцать: поступило шесть миллионов восемьсот тысяч. Назначение то же. Плательщик — общество «Гранд-Капитал».

Ася откинулась на спинку стула.

Она искала в выборке нерезидентов и нашла своих. «Сфера-Трейд», «Гранд-Капитал», «Стройтранзит-Инвест» и «Промметаллснаб» стояли в журнале консульского отдела четырьмя записями подряд за двадцать первое марта — пакеты сорок четыре, сорок пять, сорок шесть и сорок семь, тридцать два документа, принял один человек.

И двое из этих четырёх на этой же неделе вернули в филиал одиннадцать миллионов рублей «возвратом аванса» — ровно в те дни, когда филиал утром не мог проснуться со своим остатком.

Ася посмотрела в выписку ещё раз, чтобы убедиться, что не путает даты, и увидела то, что в первый раз пропустила, потому что искала цифры, а не людей: полтора миллиона рублей из этих возвратов ушли дальше в тот же день — на ссудный счёт по кредитному договору 41/07.

По кредиту, который филиал выдал фирме без истории под залог собственных векселей банка.

В семнадцать тридцать на столе зазвонил телефон.

— Анастасия Сергеевна? — сказал голос Петра Аркадьевича Сажина, начальника службы безопасности филиала. — Сажин. Зайдите ко мне, у меня к вам два вопроса по пятнице. И захватите, пожалуйста, документик, по которому вы ездили. Тот, что вы оставили в торгпредстве.

Глава 6. Лимит на контрагента

Лимит на контрагента — это не сумма. Сумма — это сколько дают. Лимит — это сколько разрешено, и разрешает его не человек, а протокол.

В банке лимит — единственная цифра, которая не считается, а принимается: её принимают голосованием, записывают в протокол, на протокол ставят номера и подписи, и после этого цифра начинает жить. Ни один управляющий не может выдать сорок миллионов сверх лимита и ни один управляющий не может выдать сорок миллионов без лимита. Именно поэтому лимит — это не про деньги. Это про то, за что в этом банке отвечают не собой, а бумагой.

Ася узнала про лимит на «Стройтранзит-Инвест» в понедельник в семнадцать сорок, но сначала она узнала другое.

Кабинет службы безопасности был на втором этаже, в конце коридора, за дверью без таблички: в филиале считалось, что у службы безопасности таблички быть не должно, потому что табличка — это приглашение. Внутри было пусто: стол, два стула, сейф и сейфовая коробка на подоконнике, в которой лежали зарядка от телефона и вторая пара очков.

Пётр Аркадьевич Сажин проработал в полиции двадцать лет, из них восемь — в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, и в банк пришёл в сорок четыре, потому что в полиции в сорок четыре с человеком начинают разговаривать иначе, чем в тридцать.

Он встал, когда она вошла, и это было хуже, чем если бы он не встал.

— Садитесь, Анастасия Сергеевна. Чай будете?

— Нет.

— И правильно. — Он сел напротив, положил руки на стол и посмотрел на неё внимательно, но без всякой злобы, как смотрят на человека, с которым ещё не решили, что делать. — Вы были в пятницу в торговом представительстве, в консульском отделе. Я вас там не посылал. Вас вообще никто не посылал. Так?

— Так.

— Кто вам сказал, что туда надо ехать?

— Я сама.

— Вот это и плохо, — сказал Сажин.

Он помолчал, потом объяснил — ровно, как объясняют правила, в которые сам не верят, но которые соблюдают:

— В банке есть порядок. Если филиалу нужны сведения в учреждении, пишется запрос: на бланке, за подписью управляющего, с исходящим номером. Запрос регистрируется, копия — в дело, срок ответа — тридцать дней. Кто ездит и почему — это уже второй вопрос, но первый — это кто подписал. Под вашим запросом стоит ваша подпись и нет исходящего номера. Понимаете, что это значит?

— Что я поехала от себя.

— Это значит, что вы были там как частное лицо. И если у них что-то произойдёт с журналом, отвечать будут не банк и не управляющий, а вы. Одна.

Ася молчала, и Сажин вздохнул.

— Дайте копию вашего запроса, — сказал он. — Не бойтесь, я не для того, чтобы вас подставить. Я для того, чтобы у меня в папке лежало то же, что у вас в папке. Если вы встретитесь с кем-нибудь, у кого в руках будет ваш лист, я должен знать, что это за лист.

Копия у неё была — второй экземпляр, отпечатанный в двух экземплярах, как печатают всё, что подписывают. Она достала лист из папки и положила на стол.

Сажин прочитал его сверху донизу, потом перечитал дату и посмотрел на неё.

— Вы написали «прошу подтвердить факт легализации копии контракта по оттиску от 21 марта», — сказал он. — Значит, вы уже знали про двадцать первое марта. Откуда?

— Из копии контракта.

— В копии контракта нет даты легализации.

— Есть, — сказала Ася. — Она стоит на обороте последнего листа, в углу, штемпелем. Её видно на свет.

Сажин смотрел на неё ещё секунды три, и в этом взгляде она увидела первый раз за все семь лет то, что в банке называют правдой: человек напротив неё решал не как начальник, а как человек, который умеет считать последствия.

— Интересно, — сказал он наконец. — В банке есть люди, которые тоже ездили без запроса, — сказал Сажин. — Вы у нас не первая, кто нашёл интересное и поехал проверять сам.

— И что с ними?

— Один до сих пор в отпуске, — сказал Сажин. — Заявление написано четвёртым декабря, отпуск с пятого, и мне это даже нравится: значит, кто-то в этом городе умеет оформлять бумаги быстро.

Он положил копию запроса в папку, закрыл её и добавил обычным голосом:

— Идите, Анастасия Сергеевна. И если поедете куда-нибудь ещё, зайдите сначала ко мне. Не для разрешения. Для папки.

Во вторник она пришла в банк в половине девятого, и первое, что она сделала, — пошла в кредитный отдел.

Кредитный отдел филиала занимал комнату на втором этаже, где стояли четыре стола и один шкаф с делами, и начальником там была Ирина Анатольевна Сомова, сорок восемь лет, двенадцать лет в филиале, женщина, у которой на любой вопрос был готов ответ, и этот ответ всегда состоял из двух частей: что сказано в инструкции и что делают на самом деле.

— Мне нужна выписка из протокола кредитного комитета по «Стройтранзит-Инвесту» за март. Дело я смотрела в архиве, а мне нужно решение: кто и на каком основании поставил лимит.

— А лимит тебе зачем? — Сомова подняла бровь. — Погодина, ты валютный контроль. У тебя платёж не ушёл, у тебя лимит поставлен. Это две разные бумаги и два разных человека.

— Проверка из головного офиса, — сказала Ася. — Они просят сведения о качестве обеспечения по ссудной задолженности. А платёж по «Стройтранзит-Инвесту» прошёл четвёртого декабря из позиции филиала, поэтому я обязана понимать, что это за контрагент и чем он обеспечен.

Это была правда, и правда была сказана правильно: так, чтобы в ней был документ.

Сомова подумала секунду и кивнула на шкаф.

— Дело ушло в архив, — сказала она. — Кредитные дела хранятся у нас два года, потом сдаются. Позавчера забрали двадцать восемь дел за март. Если тебе нужно быстро, иди к Кристине: у неё протоколы кредитного комитета, а протокол — это то, что тебе как раз надо. Там всё, что решали, и все, кто решал.

Кристина сидела в приёмной у кабинета заместителя управляющего, вела протоколы кредитного комитета, потому что в банке протокол ведёт секретарь, и печатала быстрее всех в филиале.

— Оборин в Москве, — сказала она, не поднимая головы. — Вернётся в четверг. Если вы к нему, то у него расписано до двадцати девятое.

— Я не к нему. Мне нужна выписка из протокола по «Стройтранзит-Инвесту» за март.

Кристина наконец подняла голову.

— А зачем выписка? Копия протокола не даётся, выписку подписывает управляющий. Я могу показать протокол, но выписать из него — это отдельная бумага и отдельный номер.

— Покажите протокол.

Кристина задумалась, но не так, как думают, когда решают, давать или не давать. Так думают, когда прикидывают, чем это может кончиться для человека, который сидит на этом месте семнадцатый год.

— Погодина, — сказала она тихо. — Круглов тоже просил.

— Что просил?

— Журнал учёта векселей. В среду, двадцать восьмого, он приходил и просил выдать ему журнал за март. Я сказала: журнал у главбуха. Он сказал: хорошо. И больше я его не видела.

Она помолчала и добавила:

— Так что смотрите, я вам ничего не показывала. Я сегодня после обеда ухожу на больничный, у меня сын заболел. Папка с протоколами в шкафу, шкаф не заперт, потому что у нас тут никто не запирает шкафы: у нас тут всё запирает подпись.

Ася стояла и не знала, что говорить, потому что впервые за эту неделю кто-то в этом банке говорил с ней прямо, а прямо в банке разговаривают только один раз.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — сказала Кристина и снова опустила голову к клавиатуре. — Листайте быстро.

Протокол заседания кредитного комитета филиала номер четырнадцать от двенадцатого марта 2007 года занимал четыре листа и был написан тем ровным, скучным языком, которым в банках пишут всё, что должно пережить всех.

Пункт третий.

«Слушали: о предоставлении кредита ООО „Стройтранзит-Инвест“ (ИНН 4027118452, зарегистрировано 06.02.2007, уставный капитал 10 000 рублей, основной вид деятельности — оптовая торговля строительными материалами).

Докладчик: заместитель управляющего Оборин С. Д.

Установлено: срок деятельности заёмщика — один месяц и шесть дней. Кредитная история отсутствует. Обороты по расчётному счёту за период деятельности — 40 тыс. рублей. Отнесение заёмщика к категории качества на момент рассмотрения — третья (сомнительные).

Решение: предоставить кредит в сумме 40 000 000 (сорок миллионов) рублей сроком на 12 месяцев под 14 процентов годовых с обеспечением в виде залога сорока двух векселей серии КИ номиналом 1 000 000 рублей, принадлежащих третьему лицу, с поручительством ООО „Промметаллснаб“ (ИНН 4027225163). Установить лимит на контрагента в размере 40 000 000 рублей. Ходатайствовать перед управляющим о выдаче кредита в течение двух рабочих дней, поскольку заёмщик заинтересован в финансировании до пятнадцатого марта.»

Ася прочитала пункт три раза, и каждый раз находила в нём по одной новой вещи.

Первый раз она увидела фирму, у которой уставный капитал десять тысяч рублей, а кредит — сорок миллионов, и которая на момент решения проработала месяц и шесть дней.

Второй раз — обеспечение. Залог — векселя серии КИ, сорок две штуки, номинал миллион, итого сорок два миллиона, и принадлежат они не заёмщику, а третьему лицу, которое в протоколе названо именно так: «третье лицо». Фамилия, название, ИНН — ничего. Третье лицо в кредитном деле было одно, и оно было без имени.

Третий раз — фразу «заёмщик заинтересован в финансировании до пятнадцатого марта».

В кредитном комитете так не пишут. Так пишут не про заёмщика, а про того, кто за заёмщика просил: у клиента не бывает интереса раньше акционера.

Ася перевернула лист и посмотрела на подписи.

Председатель — управляющий филиалом Верещагин. Члены комитета: Оборин, Сомова, юрист Мосин, главный бухгалтер Гайдук. Пять подписей, все на своих местах, все с расшифровкой, все поставлены в один день.

Внизу была ещё одна подпись, шестая, в графе «согласовано»: начальник службы безопасности филиала Сажин.

Она и её вчерашний запрос лежали рядом — с разницей в восемь месяцев.

Ася убрала папку в шкаф, вернулась к себе и закрыла дверь, чего в филиале не делают, потому что закрытая дверь — это событие.

Потом она позвонила Мосину.

— Дмитрий Аркадьевич, вопрос юридический. Кредит выдан фирме, у которой нет ни истории, ни оборотов. В залог приняты векселя. Что это значит с точки зрения залога?

— А кто по векселю платит? — спросил Мосин сразу, как спросил бы врач «а чем болеет?».

— Не знаю. Мне надо понять саму логику. Если векселя — это бумага, по которой платит тот, кто её выдал, то...

— То в залог берут чей-то долг, — сказал Мосин. — В залог всегда берут чужой долг, деточка. Это нормально. Весь залоговый портфель мира — это чужие долги: поручительства, гарантии, векселя, закладные. Вопрос не в том, чужой долг или свой. Вопрос в том, сколько людей должны одному и тому же человеку.

— То есть, если векселя выдал сам банк...

— Если векселя выдал банк, значит банк взял в залог собственное обещание заплатить, — сказал Мосин и помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы это дошло. — Юридически всё чисто. Юридически чисто, Анастасия Сергеевна! Вексель — это ценная бумага, залог ценных бумаг — обычная практика, всё по закону. Но по экономике это значит, что банк выдал сорок миллионов под своё же обещание их вернуть.

— И что тогда?

— А тогда всё, — сказал Мосин. — Тогда у тебя не кредит, а надежда. Капитал, который собран из собственных обещаний, называется не капиталом. Он называется надеждой, и в отчёте его видно только на закрытии года.

Он собирался положить трубку, но задержался.

— И вот что ещё, — сказал юрист. — Если ты хочешь что-то с этим сделать, сделай так, чтобы у тебя на бумаге была не оценка, а перечень. Оценку оспорят: скажут, что ты не экономист. А перечень не оспорят: перечень — это факты.

В дверь постучали, и это была Кристина.

Она вошла, держа у груди папку, и в лице у неё было то, что бывает у людей, которые бегут по коридору с чужой больничной справкой.

— Анастасия Сергеевна, вас управляющий вызывает. Через десять минут. Я поэтому и зашла: предупредить.

— Что он знает?

— Я не знаю, что он знает, — сказала Кристина. — К нему в четверг приезжают из головного офиса, вот что я знаю. И ещё я знаю, что он до сегодняшнего утра ни разу не спрашивал про валютный отдел. А сегодня спросил два раза.

Кабинет управляющего был на четвёртом этаже, дверь в две створки, стол буквой Т, часы с надписью: «Газпромбанк» — подарок от клиента, который с банком «Кредитинвест» не имел ничего общего, и портрет на стене, на котором был изображён сам Верещагин в момент подписания чего-то важного.

Андрей Петрович Верещагин был человеком пятьдесят одного года, с сединой у висков, которую он не закрашивал, потому что седина в банке — это стаж, а стаж в банке — это доверие.

— Проходите, Погодина, садитесь, — сказал он и, пока она шла, щёлкнул кнопкой на телефоне, чтобы никто не вошёл. — Как дела с выборкой?

— Готовлю.

— Хорошо. Я вам скажу, как это делается, чтобы вы не изобретали. — Он повернул к себе чистый лист и стал писать, а когда писал, говорил вслух, и это было похоже на диктовку. — Первое: таблица по нерезидентам, все платежи, все паспорта сделок, все коды. Второе: пояснительная записка по каждому случаю нерепатриации — вы напишете так: клиент такой-то, контракт такой-то, отгрузка задержана по причине, не зависящей от банка, приняты меры. Третье: оформить это надо служебной запиской на моё имя, и к пятнице у меня должно лежать у меня на столе.

— Хорошо.

— И ещё. — Он отложил ручку. — Погодина, вы седьмой год работаете, и я вас, честно говоря, уважаю. У вас есть редкое качество: вы проверяете то, что вам дали. Проверяльщики у меня есть, а вот человека, который проверяет то, что проверяльщики не должны были проверять, у меня нет.

— И?

— И не надо, чтобы был, — сказал Верещагин просто. — Я вам объясню, как устроен банк, а вы потом решите. В банке не бывает ошибок. В банке бывают неточности в оформлении. Разница видна в отчёте: ошибка — это потеря, а неточность — это доначисление. Потеря — это событие, по нему приходит проверка из управления и спрашивает с управляющего. Неточность — это работа, по ней приходит бумага и спрашивает с исполнителя.

— То есть надо, чтобы было оформлено как неточность.

— Надо, чтобы это было неточностью, — поправил Верещагин. — И тогда вы закрываете всё сами, своей должностью, своей подписью, и никто не приезжает и никого не увольняют. Вот и всё, Погодина. Это всё, что я хотел сказать. Идите.

Она встала.

— Андрей Петрович, — сказала она в дверях. — А контракт 44-М? По нему деньги ушли четвёртого декабря.

— По контракту 44-М у нас расторжение и возврат, — сказал Верещагин, не глядя на неё, и подписал лист, который лежал перед ним. — Всё будет отражено. Смотрите за остатком.

На выходе из кабинета её ждала Кристина — уже в пальто и с сумкой, потому что уходила.

— Вот, — сказала она и сунула ей в руки обычный конверт без надписей. — Вам оставили на столе.

— Кто?

— Не знаю. У нас на столе оставляют все.

В конверте лежала ксерокопия того же протокола номер четырнадцать — та же вторая страница, тот же пункт третий, тот же залог: сорок два векселя серии КИ.

И на полях, простым карандашом, чужой рукой, ровными печатными буквами было написано одно предложение:

«Смотрите не на дату. Смотрите на номер.»

Глава 7. Вексельный журнал

Вексель — это не деньги и не документ о деньгах. Вексель — это долг, записанный на бумаге, у которой есть номер.

Всё, что делает вексель векселем, — это номер и подпись должника. Долг без номера — это разговор. Долг с номером — это обязательство, которое можно продать, заложить, переуступить, перепоручить и потребовать. Поэтому в банке вексель — самая уважаемая бумага: у неё нет владельца в юридическом смысле, у неё есть держатель, а держатель — это тот, кто в любой момент может прийти и сказать: платите.

И поэтому у векселей в банке есть книга.

Вексельный журнал — это тетрадь в коленкоровой обложке с прошитыми страницами, где отмечают всё, что происходит с номерами: когда бланк выдан, кому, с каким сроком, с каким дисконтом, заложен, предъявлен, погашен. Журнал ведут рукой, потому что рука оставляет след, а след — это ответственность; и хранится он не в отделе, а у главного бухгалтера, потому что главный бухгалтер — единственный человек в филиале, которому нельзя не верить.

Утром двенадцатого декабря Ася написала служебную записку.

Служебная записка в банке — это документ без исходящего номера: она не уходит из филиала, она ходит внутри филиала и всё-таки имеет дату. Ася писала её двадцать минут, потому что от формулировки зависело, что ей дадут: «для проверки полноты отражения в учёте операций с ценными бумагами» — то есть про учёт, а не про клиента; про бумагу, а не про людей.

Резолюция управляющего лежала у неё на столе через два часа, и в ней было пять слов: «Главбуху. Ознакомить под роспись. Верещагин».

Ася прочитала резолюцию трижды, потому что в банке резолюция — это не разрешение, а граница. «Ознакомить» значит: показать и не давать. Копии не будет. Ксерокса не будет. Она получит знание и не получит доказательства — то, что в этом филиале называлось: дали посмотреть.

Кабинет главного бухгалтера был на третьем этаже, между валютным отделом и комнатой, где стоял сервер, и в нём пахло не кофе, а бумагой: бумага здесь стояла пачками, по двадцать килограммов, привязанная лентами, и это была самая честная вещь в филиале.

Нелли Робертовна Гайдук работала в банке девятнадцать лет, из них одиннадцать главным бухгалтером, и была женщиной, про которую в филиале говорили одно и то же: она не ошибается и не спорит. Первое было следствием второго.

— Резолюция? — сказала она, не отрываясь от проводок. — Кладите.

Ася положила лист.

Гайдук прочитала, взяла ручку, написала на резолюции «Ознакомлена», поставила дату и расписалась — на записке, не на журнале. Потом отложила ручку, поправила очки и посмотрела на Асю впервые за всё время.

— Погодина, вы понимаете, что просите?

— Журнал учёта векселей.

— Журнал учёта бланков. — Гайдук встала и открыла сейф, который стоял у неё за спиной и был не банковский, а простой железный ящик с плоским замком. — Бланк — это бумага, на которой ничего не написано. Пока она у меня, это не вексель, а ценная бумага по описи. Векселем она становится тогда, когда на ней появляется номер и подпись, и тогда за неё отвечаю уже не я.

Она достала из сейфа тетрадь.

Тетрадь была в коленкоровой обложке, тёмно-синей, с прошитым корешком, и на обложке рукой было написано: «Векселя, серия КИ. С 1989 г.».

— Серия КИ, — сказала Гайдук. — Триста номеров. Смотрите: я не выношу её из кабинета, и вы будете смотреть здесь. Садитесь на стул для клиентов, вот на этот, он жёсткий. И вот вам карандаш, потому что ручкой журнал не трогают.

— Почему?

— Потому что помарок быть не должно, — сказала главбух. — У нас в бухгалтерии есть правило: ошибку зачёркивают так, чтобы было видно, что было написано раньше. Если ошибку закрыть, то она превратится в подлог. А если её не закрыть, она превратится в объяснительную. Я это правило знаю девятнадцать лет и на память могу сказать, что в нём самое дорогое: не то, что написано, а то, что осталось видно.

Журнал был разлинован в восемь колонок, и все восемь были заполнены рукой — разными почерками, потому что журнал вели четыре человека до неё, и один из них писал наклонно, как пишут люди, которых учили писать по линейке.

Колонки: номер, дата выдачи, номинал, срок платежа, кому выдан, оплата, залог, отметка о погашении.

Ася начала с итога.

На первой странице, там, где кончался год, был подведён итог за 2007 год: выписано бланков серии КИ — триста. Из них: сорок три — передано головному офису по его письмам, сто двадцать — выдано обществам с ограниченной ответственностью, перечисленным поимённо, девяносто пять — погашены по предъявлении, сорок — списаны как испорченные, два — утеряны, по акту.

Сто двадцать штук, выданных обществам, и были той частью, ради которой она сюда пришла.

Список обществ:

— «Сфера-Трейд» — двадцать восемь векселей. — «Гранд-Капитал» — двадцать шесть. — «Промметаллснаб» — двадцать четыре. — «Стройтранзит-Инвест» — двадцать два. — «Верста» — двенадцать. — «Петроком» — восемь.

Сто двадцать номеров на сумму сто двадцать миллионов рублей — у шести фирм, из которых четыре Ася уже знала по журналу консульского отдела.

Она перевернула страницу назад и стала смотреть на номера — не на даты, не на фирмы, а на номера, ровные, отпечатанные типографским способом, проставленные в графе «номер» рукой.

И тут она увидела то, на что ей указали карандашом в конверте.

Двадцать первого марта, четыре записи подряд, четыре фирмы, и номера в них шли сплошняком: у «Сфера-Трейд» — с 000214 по 000241, у «Гранд-Капитала» — с 000242 по 000267, у «Промметаллснаба» — с 000268 по 000291, у «Стройтранзит-Инвеста» — с 000292 по 000313, хотя после трёхсотого номера серия заканчивалась, и Ася этого сначала даже не заметила.

Ася сложила это на бумажке: двести четырнадцать — двести сорок один, двести сорок два — двести шестьдесят семь, двести шестьдесят восемь — двести девяносто один, двести девяносто два — триста тринадцать. Последний номер вышел за триста.

Серия, в которой триста номеров, не может заканчиваться триста тринадцатым. Это заметно только тому, кто считает номера; в журнале итог сходился, потому что итог считали не по номерам, а по количеству записей, и тринадцать лишних номеров в него не попали — как не попадают в отчёт люди, которых в отчёте нет.

— Нелли Робертовна, а какой номер последний в серии?

— Триста, — сказала Гайдук не отрываясь.

А сорок два векселя, которые лежали в залоге по кредитному договору 41/07 от двенадцатого марта, имели номера с 000214 по 000255 — то есть двадцать восемь из них принадлежали «Сфера-Трейд», а четырнадцать «Гранд-Капиталу».

Двенадцатое марта — договор. Двадцать первое марта — номера.

Ася просидела над этим четыре минуты, и всё это время ей казалось, что она что-то напутала, потому что так быть не могло: в банке невозможно принять в залог бумагу, которой ещё девять дней не существует. Она перечитала строку залога трижды, потом нашла договор залога номер 41/07-з и убедилась, что он тоже датирован двенадцатым марта. Потом она вернулась к журналу и нашла ещё одну вещь, которую в первый раз пропустила: сорок два векселя значатся не выданными «Стройтранзит-Инвесту», а переданными ему двадцать первого марта по индоссаменту — от обществ «Сфера-Трейд» и «Гранд-Капитал».

То есть бумага сначала появилась у одной фирмы, а потом её перевели на другую — и перевод оформили тем же числом, что и легализацию тридцати двух документов.

— Нелли Робертовна, — сказала Ася. — можно вопрос по датам?

— Можно.

— Здесь написано, что векселя с двести четырнадцатого по двести пятьдесят пятый переданы двадцать первого марта. А в залог приняты двенадцатого. Мне надо понять, это ошибка в журнале или в договоре.

Гайдук отложила проводки и посмотрела на неё поверх очков.

— Это не ошибка, — сказала она. — Это порядок.

— Какой порядок?

— Такой, что сначала подписывают договор, а потом приносят бумагу. — Гайдук говорила ровно, как говорят про погоду. — Всегда так делают, Погодина. Залог оформляют по решению комитета, потому что клиенту нужны деньги на этой неделе, а векселя он приносит, когда ему удобно: иногда через день, иногда через месяц. Фактически это значит, что неделю, а то и месяц, у нас в деле лежит кредит, по которому ничего не заложено. Формально это значит, что никто никогда не проверит, потому что проверяют, когда кредит просрочен, а до просрочки залог уже принесли.

— И это нормально?

— Это обычная практика, — сказала главбух. — Неправильная и обычная. Я вам этого не говорила.

Ася отложила карандаш и спросила то, зачем пришла, потому что поняла, что второго захода у неё не будет.

— Нелли Робертовна, у вас в журнале есть графа «оплата». Против выдач этим шести обществам везде стоит одно слово. «Зачёт».

— Стоит, — согласилась Гайдук.

— Что это значит?

— Что они получили векселя по цене восемьдесят пять процентов от номинала и заплатили за них не деньгами. Взаимозачёт — это когда две стороны друг другу что-то должны и закрывают долги записями, а не переводами. У нас в филиале это применяют, потому что денег на корреспондентском счету всегда меньше, чем желаний.

— А что они были должны банку?

— Вот этого я не знаю, — сказала Гайдук. — Я веду журнал, а не разговоры. Что мне в журнале написали, то я и записала.

Она встала, чтобы забрать тетрадь, и Ася поняла, что время вышло.

— Ещё один вопрос, последний. У вас есть графа «аваль»?

Гайдук остановилась.

Это была первая за всё время заминка, которую она допустила, — и Ася поняла, что нашла что-то настоящее, по одному тому, что главбух сначала посмотрела на журнал, а потом на неё.

— Аваль, — сказала Гайдук. — Аваль у нас отдельно, не в этой книге. В этой книге — наши векселя. Авали мы ведём в справке.

— Что такое аваль?

— Аваль — это поручительство по векселю. — Гайдук села обратно, чего могла бы не делать. — Если вексель выдаёт фирма, по нему платит фирма. Если за эту фирму поручился банк, то приходит время — и по векселю платит банк. И тогда у банка появляется долг, которого до этого не было, и появляется он не из кредитного договора, а из чужой бумаги, которую банк подписал.

— И где это видно?

— Нигде, — сказала Гайдук. — Авали учитываются за балансом. Есть такая форма — справка о забалансовых обязательствах. В отчёте за год её видят все, а читают человек шесть в стране.

Она помолчала и добавила — коротко, без всякого выражения:

— В этом году у нас такой справки нет. Управляющий сказал, что авалей в филиале нет.

— А они есть?

Гайдук посмотрела в окно, где падал снег, потом на часы, потом на Асю.

— Я вам покажу, — сказала она. — Потому что вы уже спросили, и это единственное, что в нашем деле нельзя отменить. Спросивший человек — это факт.

Она открыла вторую папку — не сейф, а простую папку на полке с надписью: «Письма Головного офиса 2007» — и вынула из неё справку на одном листе, отпечатанную и подписанную.

Шестьдесят векселей, выданных компанией Riverton Investments Limited с Британских Виргинских островов, на общую сумму шестьдесят миллионов рублей. Авалист: акционерный коммерческий банк «Кредитинвест», головной офис. Письмо номер сто восемнадцать от девятнадцатого февраля 2007 года.

Против девяти номеров в графе «предъявлено» стояли отметки: плачено.

— Их предъявляли, — сказала Ася.

— Девять штук, — сказала Гайдук. — В ноябре. Платил не филиал: платил головной офис, потому что авалист по этим бумагам — он.

— И вы об этом знали.

— Я это вижу раз в месяц, когда приходит выписка, — сказала главбух. — Погодина, я вам скажу одну вещь, и мы с вами закончим. В банке нет человека, который не знал бы, что происходит. Есть человек, который знает больше других. Все остальные знают ровно столько, сколько им нужно, чтобы подписать то, что им приносят. Это не подлость. Это устройство.

Она взяла журнал, закрыла его и приложила рукой, как прикладывают ладонью книгу, которую читали много лет.

— Идите. И вот что: распишитесь в графе «ознакомлен».

Ася взяла ручку и расписалась.

— А Круглов здесь расписывался? — сказала она.

— Расписывался. Двадцать девятого ноября.

— И больше никто?

— Больше никто, — сказала Гайдук. — Девятнадцать лет. Первого декабря тут стояли две фамилии, а третьего декабря одна из них пропала из филиала.

— А с чего вы решили, что пропала?

— Я не решила, — сказала главбух. — Я написала ему на листок в календаре: он у меня спрашивал, могу ли я дать справку о забалансовых обязательствах. Это было в пятницу, тридцатого. В понедельник я вычеркнула и написала «позвонить». Во вторник он не пришёл. В календаре у меня теперь три помарки подряд, а я человек, который за девятнадцать лет не сделал ни одной.

Ася вышла из бухгалтерии и зашла к Крамскому.

Он сидел над своими паспортами сделок и не поднял головы, пока она не положила на стол листок — тот, на котором она складывала номера.

— Что это?

— Серия КИ, — сказала Ася. — Триста номеров. Двадцать первого марта номера с двести шестнадцатого по триста тринадцатый вышли шести фирмам. Последний номер вышел за серию на тринадцать штук.

Крамской взял листок, посмотрел на цифры и поднял голову.

— Ты уверена, что правильно списала?

— Переписала из журнала при главном бухгалтере.

— Тогда слушай, — сказал он и отложил ручку. — Я тебе третий год говорю: документ — это дата. Я был прав наполовину. Когда документ один, он держится за дату: дата — единственное, чего нельзя поставить задним числом, потому что её ставят все и всё равно промахиваются. А когда документов двое, они держатся за номер. Сумму можно исправить, дату можно объяснить, фамилию можно перепутать — а номер нельзя. Номер печатает типография. Его не путают, его не забывают, его нельзя придумать: он или есть в книге бланков, или его нет.

— И что это значит?

— Это значит, что у тебя в руках не ошибка, — сказал Крамской. — Ошибка бывает в сумме и в дате. В номере бывает только типография или человек. И раз ты нашла номер, которого не должно быть, тебе нужно второе место, где он мог бы остаться: книга учёта бланков. Бланки в филиал приходят по накладной, накладная идёт с типографией, типография у нас одна на город и знает про банк всё, чего не знает банк про себя.

Он вернул ей листок и добавил:

— И вот что, Погодина. Ты сегодня была у главного бухгалтера по резолюции управляющего. Резолюция — это документ, и в нём написано «ознакомить». Значит, с этой минуты в филиале есть бумага, где сказано, что ты знаешь про векселя больше, чем положено знать экономисту валютного отдела. Дальше — сама.

Ася вернулась к себе, достала своё дело номер ноль семь дробь четыре и положила в него листок с номерами.

На листке она написала дату и подпись, а сверху — три строки, которые ничего не доказывали: «Серия КИ. Номера 000214–000255 в залоге по договору 41/07 от 12.03.2007. Выданы 21.03.2007. Номера 000301–000313 выходят за серию. Проверить бланки».

Так в её деле появилась вторая нумерация — не по документам, а по вопросам.

Ася вышла из бухгалтерии и пошла по коридору, и на всём третьем этаже было слышно, как в валютном отделе капает вода из крана, который в филиале не чинили, потому что он стоял в комнате для совещаний.

Глава 8. Картотека

Картотека — это папка с платёжными документами, которые банк не смог провести в срок.

У картотеки два номера и много людей. Номер первый — расчётные документы, не оплаченные из-за отсутствия средств на корреспондентском счёте, то есть очередь банка к самому себе. Номер второй — документы, не оплаченные из-за отсутствия средств на счёте клиента, и это уже не беда банка, а беда клиента. Разница между первым и вторым номером — как между болезнью и диагнозом: в обоих случаях человек лежит, но отвечают за него разные люди.

Утром тринадцатого декабря на рейс в одиннадцать часов филиалу не хватило одиннадцати миллионов.

Ася узнала об этом от Оли Гунько, которая работала в операционном зале у третьего окна и в этот день с третьего окна ни разу не встала.

— Погодина, — сказала она шёпотом, потому что в зале уже стояли люди. — Одиннадцать платёжек. Четырнадцать миллионов двести. Из них твоих два: «Верста» и «Петроком».

«Верста» и «Петроком». Двенадцать и восемь векселей серии КИ, выданных в марте по цене восемьдесят пять процентов и оплаченных зачётом.

— Они в зале?

— «Верста» в зале. «Петроком» по телефону, кричит.

Ася обошла зал, потому что операционный зал можно обойти только по кругу: по прямой его не пройдёшь, там стоят клиенты.

В зале пахло мокрыми шубами и тем особенным запахом, который бывает в банке в декабре, когда двери открывают каждые две минуты. У окна сидела женщина из «Версты», сорока лет, в пуховике, с папкой, и в её папке лежали документы по платежу на два миллиона восемьсот тысяч рублей за аренду склада, и платёж этот был уже второй раз в картотеке.

— Девушка, — сказала она, увидев Асю, потому что Ася была единственная в зале без бейджа на виду. — У вас тут все куда-то ходят, а никто ничего не говорит. Мне надо провести до конца дня. У меня склад, у меня аренда, у меня, если я сегодня не проведу, завтра будет уже четыре миллиона.

— Я валютный отдел, — сказала Ася.

— А мне всё равно, какой вы отдел. — Женщина положила папку на колено и стала говорить ровно, как говорят люди, которые всё решили. — Я в этом банке двенадцать лет. Двенадцать лет я сюда прихожу и ни разу ничего не спрашивала. Я знаю, что у вас тут происходит, потому что у вас это происходит каждую пятницу: у меня платёж в пятницу проходит через раз. Раньше я думала, что так везде. А теперь я знаю, что так только у вас.

— Понимаю, — сказала Ася.

— Не понимаете, — сказала женщина. — Но вы хотя бы слушаете. За это спасибо.

Она ушла к своему окну, а Ася вернулась в операционный отдел, где Пахарева вела книгу картотеки.

В операционном отделе, за третьим окном, сидела Оля Гунько, работала тут четвёртый год и знала всё, что в филиале говорили вслух, и половину того, о чём молчали.

— Ты чего такая? — спросила Оля, не переставая перекладывать бумаги.

— Выборку делаю по контрагентам.

— А, — сказала Оля и посмотрела на зал, где стояла женщина из «Версты». — Ну тогда ты сегодня услышишь всё.

— Что говорят?

— Говорят, Дмитрия Сергеевича забирают в Москву. — Оля произнесла это тем самым домашним голосом, которым в банке передают новости, не подлежащие огласке. — Начальни-

ком управления. Говорят, приказ уже подписан, только не объявляли. И ещё говорят, что проверка, которая приедет двадцать четвёртого, — она не про филиал. Она про кого-то в филиале.

— А кто говорит?

— Все, — сказала Оля. — Это и плохо. Когда говорит один, это сплетня. Когда говорят все, это уже документ, просто пока без подписи.

Телефон на её столе зазвонил, Оля сняла трубку и через полминуты протянула её Асе:

— Твои. «Петроком». Кричат.

Женщина на том конце действительно кричала, но кричала она не про банк, а про себя: она объясняла, что у неё склад, что у неё отгрузка, что платёж, который не ушёл сегодня, завтра превратится в пеню, и что она три месяца назад приводила в этот банк деньги.

— Мы всё исправим, — сказала Ася. — Я записываю ваш платёж, я вам позвоню.

— Мне не надо звонить, — сказала женщина. — Мне надо, чтобы вы не врали. Вы же понимаете, что происходит. Вы не первый день работаете.

— Понимаю, — сказала Ася.

— Тогда объясните мне, почему вы держите клиента в очереди, а не скажете ему прямо, что у вас нет денег.

Ася не нашлась, что ответить, потому что ответ был и простой, и невозможный: потому что сказавший это первым вызовет ровно то, о чём говорит.

Она положила трубку, и Оля, глядя в свои бумаги, сказала:

— Вот это, между прочим, самое интересное. «Петроком» у нас в картотеке третий раз за месяц. Двенадцатого был, пятого был, сегодня. И ни разу не пожаловался.

— У них же пеня.

— У них пеня, — согласилась Оля. — И они молчат. Клиент, который молчит, когда его разоряют, знает про банк больше, чем клиент, который кричит.

Книга картотеки — это общая тетрадь в клеёнчатой обложке, в которой пишут рукой, хотя есть компьютер: потому что компьютер считает, а книга напоминает. Двенадцать колонок: дата поступления, клиент, сумма, назначение, причина неоплаты, распоряжение, дата оплаты, отметка об исполнении.

За тринадцатое декабря в книге стояло одиннадцать строк.

Ася переписала их себе в тетрадку — все одиннадцать, с суммами и назначениями, — и Пахарева смотрела, как она это делает, и молчала. Когда Ася дошла до последней строки, Пахарева сказала:

— Ты зря это делаешь.

— Почему?

— Потому что картотека — это не про деньги. — Пахарева отложила ручку. — Ты думаешь, что картотека — это когда нет денег. Картотека — это когда деньги есть, но не на то. Смотри: у меня днём было четыре миллиона шестьсот. Я могла провести либо три клиентских платежа, которые в очереди, либо один, который мне сказали провести срочно. Я провела тот, который сказали.

— Кто сказал?

Пахарева дописала что-то в колонке и ответила как бы между прочим:

— У нас по-разному говорят. Иногда «срочно, клиент ждёт», иногда «это наше, у нас там срок». Я не спрашиваю, кто сказал: я вижу фамилию в графе «распоряжение», и этого мне хватает.

— И чья фамилия в графе за сегодня?

— Вот это, Погодина, ты у меня не спрашивай, — сказала Пахарева и закрыла книгу, — потому что я тебе отвечу, а ты потом будешь ходить и думать. Иди лучше к кассе: у Клавдии Егоровны сегодня очередь до входной двери, и ей не с кем считать.

В кассе действительно стояла очередь до входной двери, и это была очередь из вкладчиков, и это было хуже, чем картотека.

Выдача наличных — единственная операция, которую банк не может отложить. Платёж можно поставить в очередь, кредит можно реструктурировать, отчёт можно уточнить, но если человек пришёл и просит свои деньги, деньги надо выдавать, и не через три дня, а сейчас, и не по расписанию, а с той скоростью, с которой он считает.

Клавдия Егоровна выдавала и считала, считала и выдавала, и рядом с ней стоял второй кассир, а между ними на стойке лежала книга, в которой каждая выдача была записана рукой.

— Погодина, — сказала она, не поднимая головы. — Ставь точку на каждой второй.

Точка в кассовом журнале — это проверка: когда выдаёшь много, ты помечаешь каждую вторую операцию, чтобы потом сравнить. Ася встала сбоку и стала ставить точки, и полчаса они работали молча, как работают в цеху: она — точки, Клавдия Егоровна — пачки.

Только на сорок первом человеке Клавдия Егоровна разогнулась.

— Ты знаешь, что такое доверие? — спросила она.

— Доверие?

— Доверие — это то, что у нас тут стоит в очереди. — Клавдия Егоровна кивнула на дверь. — Половина этих людей пришли не потому, что им нужны деньги. Они пришли узнать, стоим мы или нет. Женщина в серой шапке — она вчера внесла вклад, сто пятьдесят тысяч, я её сама записывала. И сегодня стоит в очереди. И у неё в глазах не жадность, у неё в глазах интерес.

— И что ей сказать?

— Ничего, — сказала Клавдия Егоровна. — Ей надо дать деньги и посчитать вслух. Я тридцать один год за кассой и знаю: вкладчика убеждает не курс и не начальник, а то, что кассир считает медленно. Если я считаю быстро, он думает, что мне всё равно, что у меня пустая касса. Если я считаю медленно, он думает, что деньги тяжёлые.

Она посмотрела на очередь, поправила платок и добавила:

— А вот когда ты просишь человека прийти завтра — вот тогда начинается настоящее. Тогда это уже не очередь, а слух. И через день у тебя будет очередь, в которой никто, кроме трёх первых, не знает, зачем пришёл.

К четырём часам очередь кончилась, потому что Клавдия Егоровна выдала всё, что у неё было по кассе, а остаток на корреспондентском счёте к вечеру ждали, как ждут поезд.

Мать позвонила в полдень.

— Ася, это мама. Ты не занята? Я быстро. — Она всегда начинала с «я быстро», даже когда не собиралась быть быстрой. — Скажи, у вас что, правда всё плохо?

— У нас всё нормально, — сказала Ася.

— Мне Люба сказала, что в банке на Первомайской утром была очередь на улицу. Люба живёт напротив, она видит.

— Выдавали вклады. Это не плохо, это работа.

— Ася, у меня там двести сорок, — сказала мать. — Я двадцать лет их туда носила. Ты мне скажи как дочь, а не как сотрудник: снимать?

В коридоре были люди, и из зала доносилось чьё-то терпеливое «девушка, а мы тут до какого часа», и валютный отдел был в двадцати шагах, и можно было сказать матери «конечно, снимай», и никто бы никогда не узнал.

— Не снимай, — сказала Ася. — Пока не снимай.

— Уверена?

— Да, — сказала Ася и поняла, что только что попросила мать оставить свои двадцать лет в банке, в котором сама второй месяц не понимает, кто подписывает очередь платежей.

Мать помолчала.

— Ну хорошо, — сказала она. — Ты мне потом скажи, когда надо.

— Скажу.

— И ты поешь.

Крамской сидел в архиве, как сидят в лодке: ровно, неподвижно, придерживая то, что могло поехать.

— Мне нужна картотека за март, — сказала Ася.

— Картотеку выносить нельзя, — сказал Крамской и даже не посмотрел на неё.

— Мне нужны не документы. Мне нужна очередь.

Крамской подумал. Потом встал, ушёл между стеллажами и вернулся с двумя книгами в клеёнчатых обложках — точно такими же, как та, что Пахарева держала в ящике стола.

— Книга картотеки и книга неоплаченных расчётных документов, — сказал он. — За прошлый год. У вас час, потом у меня инвентаризация описи. И вот что: считайте вслух, я буду проверять по корешку.

Они просидели час, и Ася не заметила этого часа, потому что сорок минут ушло на несоответствие: в книге картотеки за март две записи шли подряд, 15 и 16 марта, а между страницей двадцать девятой и тридцать первой не было двадцать девятой.

— Смотрите, — сказала Ася. — Сюда вставили страницу.

Крамской надел очки, потрогал корешок и сказал:

— Это переплёт. Наши переплетают раз в год, в апреле, в мастерской на Ватутина.

— И что?

— А то, что в переплете не теряют листы. В переплете теряют опись. — Он перевернул книгу и посмотрел на форзац. — Вот здесь, на форзаце, рукой написано «листов 84». А фактически восемьдесят три. Один лист вырезан аккуратно, ножницами, до переплета, потому что при переплете лист не втекает, а вшивается: его видно.

— И что там было, на этом листе?

— Пятнадцатое марта, — сказал Крамской. — И шестнадцатое до половины. Строчка «остаток неоплаченных на начало дня» за шестнадцатое осталась: она на другой странице, она начинается с числа. Если хотите узнать, что было пятнадцатого, — смотрите не на то, что вырвали, а на то, чем начинается следующий день.

Ася посмотрела. Шестнадцатое марта открывалось строкой, написанной тем же почерком, что и весь март:

«Остаток неоплаченных на начало дня — 22 400». Двадцать два миллиона четыреста тысяч. За всю историю филиала больше не было ни одного дня с таким остатком.

— Двенадцатого марта подписали протокол на сорок миллионов, — сказала Ася. — А пятнадцатого у вас двое суток не мог пройти ни один платёж.

— Не у меня, — сказал Крамской. — У филиала. Я архивист, Погодина: у меня на балансе память, а не ликвидность.

Он закрыл книгу и положил на неё ладонь.

— И зарубите себе ещё одну вещь, — сказал он. — Документ не исчезает. Документ переезжает. У него, как у человека, две беды: он либо теряется, либо едет. Если вы ищете лист из книги картотеки, не ищите его в столе у того, кто вырвал. Ищите его в чужой описи.

В двадцать минут пятого в операционном зале появился Оборин.

Дмитрий Сергеевич Оборин был заместителем управляющего, работал в филиале девять лет, ездил в Москву каждый месяц и в филиале появлялся так, как появляются в доме, где у тебя есть комната, но ты в ней не живёшь. Его все узнавали, с ним все здоровались, и никто не мог сказать, за что именно он отвечает.

Он прошёл через зал, кивнул Пахаревой, потом остановился возле Аси, потому что её стол был виден из зала через стекло, и сказал ей через приоткрытую дверь:

— Погодина, я слышал, вы ликвидностью заинтересовались?

— Выборку делаю.

— Выборка — это хорошо. — Он говорил очень спокойно и очень коротко, как человек, который всё время помнит, что его могут услышать. — Я вам скажу одну вещь, и вы её запомните, потому что она вам понадобится. В банке можно подделать всё: подпись, печать, дату, проводку, отчёт. Нельзя подделать только одно — ликвидность. Она или есть, или её нет, и это видно каждому, кто стоит в очереди. Поэтому если вы когда-нибудь захотите понять, что у нас тут на самом деле, — смотрите не на документы. Смотрите, кто в зале.

Он пошёл дальше, а Ася минут пять не могла понять, предупредил он её или похвалил.

Ночной возврат пришёл в тот вечер в двадцать три часа сорок минут — шесть миллионов двести.

И это было хуже, чем если бы он не пришёл вовсе.

Потому что Ася, сидя с листком из книги картотеки, впервые сложила два списка вместе.

Одиннадцать платёжек, которые не ушли: четырнадцать миллионов двести.

Шесть миллионов двести, которые вернулись ночью. Возврат пришёл не от клиентов, которые платили за товар, и не от фирм, которые гасили кредиты: он пришёл от двух обществ из тех шести, чьи векселя лежали по всему кредитному портфелю филиала, — «Петрокома» и «Версты», то есть ровно от тех, чьи платежи стояли в этот день в очереди.

Филиал не покрывал разрыв. Филиал одалживал у схемы, чтобы заплатить схеме.

Ася отложила листок и достала книгу картотеки за прошлую неделю, которую Пахарева дала ей посмотреть под честное слово, и за неделю до этого, и свела даты.

Картина получалась простая и от этого хуже. Каждую пятницу в филиале возникал разрыв — от восьми до пятнадцати миллионов. Каждую пятницу вечером деньги уходили, а в ночь с пятницы на понедельник приходил возврат, всегда меньше, чем ушло: разница висела в филиале, как висит в семье долг за мебель.

Схема не выводила деньги из банка. Схема была деньгами банка, и филиал жил внутри неё, как живёт человек внутри своего долга: снаружи всё в порядке, а изнутри у него всё чужое.

Ася выписала разрывы по пятницам отдельным столбиком, потому что числа, поставленные друг под друга, говорят больше, чем числа в тексте: двенадцатое октября — девять миллионов четыреста; девятнадцатое — двенадцать миллионов сто; двадцать шестое — семь миллионов восемьсот; второе ноября — четырнадцать шестьсот; девятое — одиннадцать; шестнадцатое — восемь триста; двадцать третье — десять пятьсот. И тридцатое ноября — пятнадцать миллионов двести, самый большой разрыв осени.

Тридцатого ноября в этом филиале закрыли паспорт сделки по контракту 44-М и подшили его в дело семнадцать дробь четыре.

Четвёртого декабря без четверти семь вечера из корреспондентского счёта в Bank Nordkreis AG ушло миллион двести сорок тысяч евро.

Седьмого декабря не пришёл на работу аудитор Круглов, и об этом в колонке не было ничего, потому что человек — это не остаток на начало дня.

А в графе «распоряжение» книги картотеки за тринадцатое декабря, в первой строке, против платежа, который прошёл срочно, стояла подпись — короткая, с наклоном, с крупной первой буквой.

Ася смотрела на неё долго, а потом пошла к Пахаревой и попросила книгу ещё раз.

— Ты уже видела, — сказала Пахарева.

— Я хочу посмотреть на подпись.

Пахарева помолчала, потом выдвинула ящик, вынула книгу и открыла её на тринадцатом числе, и сама придержала страницу пальцем, чтобы та не закрылась.

— Чья это подпись? — спросила Ася.

— Ты знаешь чья.

— Оборина?

— Оборина, — сказала Пахарева. — Только я тебе вот что скажу: картотеку в банке разрешает управляющий. Всё, что касается очереди платежей, — это подпись управляющего, потому что очередь — это как раз то, за что банк отвечает перед людьми. Дмитрий Сергеевич в Москве с понедельника. И в зале я его сегодня до четырёх не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.